

И ОДИН НАПАРНИК, КОТОРОГО ТЫ НЕ НАВИДИШЬ... ПОКА НЕ ПОЙМЁШЬ,
ЧТО НЕ МОЖЕШЬ ЖИТЬ БЕЗ НЕГО.

Юрий Адаменко

ЭХО-МОСТ

ЧУЖАЯ КОЖА

ФЭНТЕЗИ • ДЕТЕКТИВ • ТЕХНО-ТРИЛЛЕР • РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Юрий Адаменко

Эхо-мост. Чужая кожа

<https://litres.ru/74633452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аэрин — эльфийка, которую сослали на край леса. Теперь она расследует убийство старейшины.

Кай — детектив Нью-Вавилона, техногенного мегаполиса будущего. Его нейроимплант перегружен, коллеги считают его чудаком, а начальник грозит увольнением. Он берётся за серию убийств в городе.

В первую же ночь после этих событий они начинают видеть сны — чересчур реальные, где они проживают жизнь друг друга. Оба думают, что это проклятие или побочка от импланта. Но чем больше они пытаются избавиться от «соседа», тем отчётливее становится связь.

Постепенно, через калейдоскоп чужих эмоций и случайных улик, они понимают: их преследует один и тот же враг.

Им придётся научиться доверять друг другу — даже если единственное место для встреч — это сны, а каждый из них уверен, что другой — просто галлюцинация.

Юрий Адаменко

Эхо-мост. Чужая кожа

1

ПРОЛОГ

Закат догорал над Эльталиром, как огромный костёр, который никто не тушил. Лес, ещё час назад наполненный голосами птиц и шелестом листьев, теперь затих в тягучей, настороженной тишине. Воздух пахнул влажной корой, мёдом диких цветов и, едва уловимо и тревожно, чем-то чужим, металлическим, как далёкая гроза, которая никак не решалась разразиться.

Старейшина Фаэлин шёл по тропе, которую знал с тех пор, как научился ходить. Его босые ноги привычно ощупывали мягкую землю, чувствовали каждый корешок и камень. Он был стар, очень стар, даже по эльфийским меркам. Волосы, когда-то цвета воронова крыла, теперь отливали серебром, лицо избороздили морщины, а глаза, всё ещё зелёные, как весенняя листва, смотрели на мир с усталой мудростью человека, который слишком многое видел и слишком многому научился не верить.

Фаэлин не любил Запретный дуб.

Он никогда не говорил этого вслух, старейшинам не положено иметь слабости. Но в глубине души всякий раз, ко-

гда долг заставлял его приближаться к этому месту, в груди разрастался холодный, липкий страх. Дуб стоял на краю леса, где деревья редели, уступая место пустоши, и корни его уходили не просто в землю. Они уходили в никуда, в ту самую бездну, о которой в старых свитках писали с дрожью в голосе. Говорили, что под этим дубом реальность тоньше, чем паутина на осенней росе. Что где-то там, между корней, мир смыкается сам с собой, оставляя трещину, через которую можно провалиться.

Фаэлин не верил в сказки. Но сегодня он чувствовал эту трещину кожей.

Магия колебалась. Он ощутил это ещё за час до заката, когда сидел в своей башне над древними хрониками. Привычное и ровное течение энергии вдруг дрогнуло, будто кто-то бросил камень в гладь спокойного озера. Всплеск был слабым, почти незаметным, но Фаэлин был стар и знал свой лес так же хорошо, как собственные морщины. Он отложил пергамент и вышел. И сейчас, ступая по мягкому мху, он всё яснее понимал. Трещина становится шире.

— Идёт... — прошептал он одними губами, хотя вокруг никого не было. — Что-то идёт.

Запретный дуб возник из сгущающихся сумерек внезапно, как непрошенный гость. Он был огромен. Ствол в десять обхватов, чёрная кора, изборождённая глубокими шрамами, словно кто-то пытался вырезать на ней письмена, но бросил на полпути. Ветви дуба тянулись к небу, как скрюченные

пальцы старого нищего, и на них не было ни единого листа. Только сухие, мёртвые побеги, которые никогда не распустились по весне.

Фаэлин остановился шагах в десяти от дерева, прикрыл глаза и вдохнул.

Магия леса отзывалась ему привычным, тёплым потоком. Эльталир дышал. Он чувствовал биение корней глубоко под землёй, шёпот листьев в кронах, движение соков по стволам. Но рядом с дубом этот поток прерывался, будто натыкался на невидимую стену. Там, у чёрных корней, магия закручивалась воронкой, уходила в пустоту и не возвращалась.

Он сделал ещё шаг. Потом ещё один.

И увидел царапины.

Они были свежими. На чёрной коре дуба зияли три глубокие борозды, словно кто-то с огромной силой провёл по ней когтями. Края коры были обожжены, обуглены, и от них шёл резкий, кисловатый запах, который Фаэлин не мог опознать. Это не магия. Это что-то другое, чужое.

— Что это? — прошептал он, протягивая руку к царапине. Пальцы едва коснулись обожжённой коры, и его пронзила дрожь. Дрожь, которая рождается где-то глубоко в душе, когда она вдруг осознаёт, что перед ней стоит нечто, чему нет названия.

Запах озона стал сильнее. Он висел в воздухе, липкий и горький, как электричество перед грозой. Фаэлин поднял голову к небу. Над кроной дуба, небо чуть заметно мерцало,

как разорванная ткань, и сквозь эту разорванную ткань сочился свет, которого не должно было быть. Слишком белый. Не похожий ни на закатное золото, ни на сияние звёзд, ни на отблеск магии.

— Они идут, — сказал он громче. — Из трещины.

Тишина вокруг стала абсолютной. Даже ветер затих, словно лес затаил дыхание. Фаэлин ощутил, как волосы на руках встали дыбом, а по спине пробежал холод, не имеющий отношения к вечерней прохладе. Электромагнитное поле. Он чувствовал его сейчас так же ясно, как раньше чувствовал магию. Чужую, неправильную силу, которая подавляла всё живое.

— Кто здесь? — спросил он в пустоту, поворачиваясь. — Покажись.

Тень выступила из-за ствола дуба. Бесшумно. Фаэлин успел разглядеть только силуэт. Высокий, чуть выше эльфа и неестественно прямой. Лица не было. Только гладкая маска из матового металла, скрывающая черты. Руки, длинные и тонкие, заканчивались не пальцами, а тремя стальными когтями, на которых ещё не остыла кровь, хотя крови Фаэлин не видел. Чёрная, облегающая одежда, из материала, которого он никогда не встречал. Она не шелестела и не переливалась. Просто гасила свет, делая фигуру ещё более бесплотной.

— Ты... — начал Фаэлин, но слова застряли в горле.

Тень сделала шаг. Бесшумно.

Старейшина отступил, выставив руки перед собой. В его ладонях уже зажглась магия. Тусклый, оранжевый свет, который обычно безотказно защищал его от любой опасности. Щит. Старый, проверенный, вплетённый в самую суть леса. Фаэлин влил в него всю свою силу, чувствуя, как корни деревьев откликаются, посылая энергию по жилам земли.

— Во имя Эльталира, — произнёс он твёрже, чем чувствовал себя, — остановись. Это место священно. Тебе здесь не место.

Тень не остановилась.

Она подняла руку, и Фаэлин увидел, как между когтей сверкнула молния. Тонкая, но такая яркая, что у него зашипило в глазах. Электромагнитный импульс. Он понял это за мгновение до того, как удар обрушился на его щит.

Свет погас. Магия, которую он так старательно собирал, рассеялась, как дым на ветру. Его собственная сила, всегда такая послушная и привычная, вдруг стала чужой, неподвластной, словно кто-то перерезал нить, связывающую его с лесом. Фаэлин почувствовал, как слабеют ноги, как воздух уходит из лёгких, но он продолжал стоять. Он не мог упасть перед этим существом.

— Ты не человек, — прошептал он, глядя в пустоту маски.
— Кто... кто ты?

Ответа не было.

Тень шагнула вперёд. Как будто её заставили. Как будто тот, кто управлял этим телом, не имел ничего общего с тем,

кто в нём находился.

Стальные когти пронзили грудь Фаэлина так легко, словно она была не из плоти и костей, а из мокрой бумаги. Он не успел закричать. Даже дышать было уже некогда. Вместо боли он почувствовал странный холод, и в следующее мгновение из его груди вырвался свет. Тёплый, золотистый, пульсирующий магический кристалл, который хранил в себе остатки его жизни, его силы, его памяти.

Тень сжала когти, и кристалл оказался в металлической ладони.

Фаэлин упал на колени. Земля под ним была мокрой от росы, холодной и родной, и он успел подумать, что это, наверное, последнее прикосновение леса, которое он почувствует. Он хотел сказать что-то, предупредить других, позвать на помощь, но из горла вырвался только тихий, умирающий хрип.

— Не... — прошептал он, обращаясь к дубу, к лесу, к тому, кто, возможно, слышит его сейчас. — Не дайте им... отсюда...

Но уже никого не было.

Тень исчезла. Просто растворилась в воздухе, оставив после себя лишь запах озона. И на земле у корней дуба остался лежать маленький металлический обломок. Ровный и гладкий, не похожий ни на что, что создавали руки эльфов или дварфов.

Фаэлин лежал на спине. Его глаза были открыты, смотре-

ли в небо, где между ветвей Запретного дуба уже загорались первые звёзды. Лес молчал. Только лёгкий ветер, внезапно вернувшийся, шелестел листьями, прощально касаясь лица мёртвого старейшины.

2

ГЛАВА 1. «Утро, которое началось с труп»

Солнце ещё не взошло, но лес уже дышал. Он делал это всегда. С размеренной, чуть насмешливой неторопливостью, которая свойственна только древним местам, перевитым корнями и временем. Эльталир вздыхал влажной прохладой, шевелил листьями, щебетал птицами, которые только начинали просыпаться, и пах грибами, мокрой корой и сладким мёдом из диких цветов. Это был запах дома. Запах, который Аэрин знала с тех пор, как научилась различать запахи, но который сейчас, в предрассветный час, раздражал её до зубного скрежета.

Потому что дом — это прекрасно, если в нём тихо. А в этом доме не было тихо уже целых полчаса.

— Каррр! — разнеслось над ухом оглушительным, пронзительным воплем, который мог бы разбудить даже мёртвого тролля. — КАРРР!

Аэрин застонала и натянула одеяло на голову. Толстая шерстяная ткань пахла мхом и немножко, едва уловимо, яблоками, которые она сушила на печке. Это был хороший за-

пах. Уютный. К сожалению, его начисто перебивал запах ворона, который сидел у неё на подушке и требовал завтрака с настойчивостью, достойной гораздо более крупного и опасного хищника.

— Каррр! — повторил ворон, недовольный тем, что его игнорируют. И для убедительности клюнул её прямо в ухо — не больно, но очень назойливо, как человек, который стучит в дверь и точно знает, что ты внутри.

— Брынза, — простонала Аэрин голосом, который должен был звучать грозно, но звучал как утреннее мычание старого, уставшего лося. — Ещё один клюв — и я сделаю из тебя подушку. И буду спать на тебе до обеда.

Ворон каркнул с искренним возмущением. Мол, как ты смеешь угрожать мне, благородному созданию, который согласился жить с тобой из чистой жалости, и переступил с лапы на лапу, демонстративно зашуршав перьями. Он был чёрным, как сама ночь, с умными, блестящими глазами-бусинками, которые смотрели на хозяйку с выражением, которое можно было описать только как «ну, я жду, и моё терпение не бесконечно, если ты понимаешь, о чём я».

Аэрин не выдержала. Она села на кровати, свесила ноги на холодный деревянный пол и уставилась на ворона взглядом, от которого более пугливые существа, например, молодые следопыты или продавцы магических амулетов, обычно пятились. Брынза даже бровью не повёл (точнее, пером, но это к делу не относится). Он просто взглянул на неё в ответ и

выразительно мотнул головой в сторону двери, где на полке лежала миска с остатками вчерашней каши.

— Ты ненормальный, — сказала Аэрин, вставая. — Ты знаешь, что ты ненормальный? Ни один уважающий себя ворон не просыпается в четыре утра, чтобы требовать завтрак. Вороны вообще спят до полудня. Это я где-то читала. Это научный факт.

«Кар», — ответил Брынза и прыгнул с кровати на подоконник, откуда открывался вид на домик Аэрин. А вид, надо сказать, был не ахти.

Дом стоял на самом краю леса, там, где деревья редели, уступая место болотистой низине, которую в народе называли «Трясиной Имени Себя», потому что любое название звучало бы лучше, чем то, что там действительно росло. Стены дома были сложены из серого камня, слегка замшелого, крыша — из дранки, которую каждую осень приходилось чинить, потому что ветер с низины срывал её, как последнюю надежду. Внутри было всего две комнаты. Спальня-кухня-гостиная, совмещённая в одном пространстве, и крошечная кладовка, которую Аэрин использовала для хранения трав и корней. На стенах висели пучки сушёных растений, потёртые карты леса, один старый лук, два колчана со стрелами, и, конечно, портрет Брынзы, сделанный ею в пьяном состоянии. Сомнительное художественное достижение, которое ворон каждый раз обходил стороной.

Аэрин натянула на себя вчерашнюю рубашку. Серую,

слегка вытянутую, с пятном от смолы на рукаве, которое никак не отстирывалось, и шлёпала босыми ногами по дощатому полу к очагу. Утро было прохладным, но дрова в очаге ещё тлели, и она, чертыхнувшись и обжегшись о трубу, раздула огонь, подбросила пару щепок и повесила над костром закопчённый чайник.

— Завтрак, — пробормотала она, доставая с полки деревянную кружку. — Будет тебе завтрак. Нечестно, что ты требуешь еды, а сам даже не можешь приготовить чай.

«Кар», — подтвердил Брынза, перелетая с подоконника на спинку стула и оттуда на край стола, где обычно лежали вчерашние объедки. Он взирал на процесс приготовления с королевским спокойствием, время от времени склоняя голову набок и внимательно следя за движениями Аэрин. Ему было любопытно всё. И как она достаёт сухие травы из потрепанного мешочка, и как она заваривает их кипятком, и как она морщится, когда пробует готовый отвар, по привычке, потому что на самом деле вкус был терпимым, даже приятным, если не слишком заваривать.

Аэрин вздохнула. Налила чай в кружку, накрошила туда сушёных яблок и мёду, принесённого ещё осенью от старого пасечника, которого она иногда навещала, чтобы купить у него воск для амулетов. Пасечник был сварливым и нелюдимым, как и она сама, но торговаться умел, и это их сближало.

— Так, — сказала она, отпивая глоток горячего, терпкого напитка. — Завтрак. Что у нас на завтрак, Брынза? У нас на

завтрак то, что осталось от вчерашнего ужина. И тебе тоже достанется кусок лепёшки.

Ворон выжидающе посмотрел на неё и расправил крыло, указывая на миску. Аэрин разломила лепёшку, одну половину сунула себе в рот, другую — в его миску, попутно плеснув туда же немного тёплой воды, чтобы размочилась. Брынза, оценив старания, одобрительно каркнул и принялся клевать с чувством собственного достоинства, время от времени поглядывая на хозяйку так, словно она была его личным поваром, а он — критиком высшей категории.

— Ты единственный, кто меня слушает, — сказала Аэрин, глядя на ворона и присаживаясь на табуретку. — Прямо сейчас. Ты сидишь, жрёшь и делаешь вид, что тебе не всё равно на мои слова. И при этом ты даже говорить не умеешь. Это такой уровень понимания, до которого большинство моих знакомых не доросли.

«Кар!» — ответил Брынза.

— Вот именно, — кивнула она, делая ещё глоток. — «Кар», а не совет. Мне нужен не твой «кар», а совет. Кто-то, кто скажет мне, что делать. Потому что всё это меня уже достало.

Она поставила кружку на стол и уставилась в окно. За ним, за запотевшим стеклом, виднелись деревья. Мрачные, высокие, с чёрными стволами, покрытыми трещинами. У некоторых стволов у подножия лежала Гниль. Бурая, склизкая, с липким налётом, которая уродовала лес и заставляла

старейшин хмуриться. Аэрин ненавидела Гниль. Не потому, что она была опасной, а потому, что она была символом всего, что шло не так в её жизни. Гниль появилась, когда Аэрин ещё училась в школе целительства. И с тех пор только разрасталась, как старое проклятие.

— Брынза, — сказала она ворону, который уже закончил трапезу и теперь чистил перья, — я могла бы сидеть в тепле, в библиотеке старого Талиса, и читать книги о древних травах. Я могла бы стать целительницей — настоящей, уважаемой, такой, у которой в очередь выстраиваются пациенты. Но я вместо этого, я что сделала? Я вырастила хищный цветок, который сожрал архив свитков. Сожрал, Брынза! Архив, который собирали триста лет!

Ворон недовольно каркнул и отвернулся, показывая, что эта история ему знакома до зубной боли.

— И теперь я здесь, — Аэрин обвела рукой комнату. — С тобой. На краю леса. С Гнилью. С плохим чаем и с отсутствием каких-либо перспектив. И старейшины, вместо того чтобы сказать: «Аэрин, ты талантливая, ты умеешь выслеживать и ориентироваться, иди разберись с Гнилью», — они говорят: «Аэрин, ты бездарность, если ты ещё раз вырастишь цветок, мы вышлем тебя в Трясину Имени Себя, и можешь там жить с лягушками».

«Кар», — сказал Брынза и переступил лапками, словно хотел добавить: «Кар, но это правда, ты сама виновата, зачем ты поливала цветок навозом оборотня, если не знала, что из

этого выйдет?»

— Не напоминай мне про навоз оборотня, — мрачно ответила Аэрин, прочитав его мысль. — Это был экспериментальный удобритель. Он работал по инструкции. Ну, почти по инструкции. Там была мелкая ошибка: цветок надо было поливать один раз в день, а я поливала два. Ну, я не виновата, что он так быстро вырос. И что у него появились зубы.

Брынза каркнул и взмахнул крыльями, перелетая с подоконника на спинку её стула. Он наклонил голову, внимательно глядя на неё, и в его глазах мелькнула едва заметная искра, которая означала либо «я тебя понимаю», либо «я бы съел твой завтрак, если бы ты не смотрела».

Аэрин допила чай и со стуком поставила кружку на стол.

— Так, — сказала она, хлопая себя по коленям. — Хватит ныть. Мне нужно к старейшинам. Наверное, опять нагоняй за то, что я не выкорчевала Гниль в третьем секторе. Или за то, что я опять не залатала дыру в заборе вокруг святилища. Или — о, счастливый день! — может быть, они наконец решат, что я не справляюсь, и вышлют меня в горы. К дварфам. Которые вообще не понимают, что такое хороший чай.

Она встала, потянулась, разминая затёкшие плечи, и взглянула на ворона.

— Ты идёшь?

«Кар», — согласился Брынза и перелетел на её плечо, удобно устроившись у левого уха. Он любил путешествовать верхом. Это было и удобно, и давало ему обзор, и, главное,

давало право каркать на прохожих свысока. С выгодной позиции.

Аэрин вышла на крыльцо. Свежий утренний воздух ударил в лицо влажной прохладой, заставил её прикрыть глаза. Лес просыпался окончательно. Птицы заливались вовсю, в кустах кто-то трещал, а далеко, на горизонте, за верхушками деревьев занимался рассвет.

— Красиво, — признала она нехотя. — Но это не отменяет того, что я встала в четыре утра. И что мне придётся идти к старейшинам. И что у меня нет ни одного хорошего аргумента, чтобы не идти.

Брынза клюнул её в ухо. Мягко, по-дружески.

— Спасибо, — буркнула она, не оборачиваясь. — Ты мне очень помог.

«Кар», — ответил ворон и зевнул, показывая, что, вообще-то, ещё можно было поспать, но раз уж хозяйка такая нервная, то он согласен составить ей компанию.

Аэрин вздохнула, поправила колчан со стрелами и, придерживая рукой ножны кинжала на поясе, шагнула в лес.

Тропа к центру поселения вилась между стволами вековых дубов, ныряла в овраги, перебиралась через ручьи и то и дело сворачивала в сторону, заставляя Аэрин чертыхаться сквозь зубы. Она шла по ней уже сотни раз, но сегодня дорога казалась особенно длинной. Может быть, потому, что она не выпалась. А может быть, потому, что в воздухе ви-

село что-то неуловимое, что заставляло птиц замолкать на несколько мгновений, а потом снова взрываться криками, будто они спорили о чём-то важном и не могли прийти к согласию.

Брынза на плече молчал. Это было подозрительно. Обычно он каркал на каждую белку, на каждого зайца, на каждый подозрительный куст. Просто чтобы дать знать лесу, что он здесь, он главный, и все должны быть начеку. Но сегодня он сидел тихо, только чуть поворачивал голову, когда лес вокруг менялся, становясь более живым, более густым, более эльфийским.

— Ты тоже чувствуешь? — спросила Аэрин, замедляя шаг и оглядываясь. — Что-то не так.

«Кар», — ответил Брынза, но в его голосе не было обычной бравады. Скорее настороженность. Как у старого воина, который принюхивается к запаху дыма.

Она пошла дальше, но теперь прислушивалась внимательнее. Лес вокруг поселения всегда был другим. Здесь деревья росли ровнее, будто кто-то специально подстригал их кроны и расправлял корни, чтобы ни одна ветка не выбивалась из общего порядка. Тропа стала шире, вымощенной плоскими камнями, на которых не росло даже мха. Чистота, достойная храма. На ветках висели светящиеся фонарики, тусклые при утреннем солнце, но готовые зажечься с наступлением сумерек.

Поселение эльфов Эльталира не было городом в привыч-

ном понимании этого слова. Оно было живым, вросшим в лес, как грибница, которая пронизывает почву. Лёгкие, ажурные дома, построенные из живого дерева, которое продолжало расти и цвести, располагались на разной высоте: некоторые стояли на земле, другие висели на ветках, третьи спускались с холмов, словно водопады из зелени. В центре, на большой поляне, находилось сердце поселения — Круг Совета. Открытая площадка из белого камня, на которой стоял дуб, не такой древний, как Запретный, но всё равно внушительный, с широкой раскидистой кроной, дающей тень на весь Круг.

Аэрин вышла на поляну и остановилась. Сегодня здесь было тихо. Не было обычной суеты. Эльфы не сновали между домами с корзинами и глиняными кувшинами, не было слышно смеха детей, не мелькали силуэты охотников, спешащих к опушке. Только несколько фигур у центрального дуба, напряжённых и неподвижных, как статуи.

— Ну, — пробормотала Аэрин, — это не похоже на обычный выговор.

Брынза чуть сжал когти на её плече, нервный жест. Она потрепала его по голове, успокаивая, и шагнула вперёд.

Старейшины ждали её у дуба. Элианна, высокая и тонкая, с волосами цвета берёзовой коры и глазами, которые могли заморозить лаву. Таллис, старый и сморщенный, похожий на корень дерева, который пережил не один пожар. И Сильван, самый молодой из них, если сто пятьдесят лет можно считать

молодым, с живым, подвижным лицом и вечно подозрительным прищуром. Они стояли полукругом, и их позы говорили о том, что сейчас они не будут слушать оправданий. Они будут говорить. А она будет слушать.

«Не нравится мне это, — подумала Аэрин, но вслух сказала: — Вызывали? Я так понимаю, это опять про тот цветок. Я уже объясняла, что это был экспериментальный удобнитель, инструкция была на древнем языке, там было написано «один раз», но я, может быть, неправильно прочитала...

— Аэрин, — перебила её Элианна голосом, в котором не было ни капли тепла. — Это не о цветке.

Аэрин замерла. В голосе старейшины не было даже привычного раздражения, которое она так хорошо знала. Только ледяная серьёзность.

— Не о цветке? — переспросила она. — Тогда о чём?

Старейшины переглянулись. Таллис вздохнул, с хрипом, словно в его груди что-то скрипело, и сделал шаг вперёд.

— Ночью был убит старейшина Фаэлин, — сказал он. И замолчал, давая словам осесть в воздухе, как камням, брошенным в воду.

Аэрин не сразу поняла, что услышала. Слово «убит» висело в воздухе. Странное и чужое, не имеющее отношения к лесу. Убит? Фаэлин? Тот Фаэлин, который учил её читать древние руны? Который всегда давал ей яблоки, когда она приходила к нему с вопросами? Который не смеялся над её неудачами, а только качал головой и говорил: «В следующий

раз получится, Аэрин, ты просто слишком торопишься?»

— Этого не может быть, — сказала она наконец тихо. — Фаэлин был... он был сильным. Он мог защитить себя.

— Мог, — подтвердил Сильван с горечью. — Но не смог. Его нашли у Запретного дуба на рассвете. Грудь разорвана, кристалл вырван. Убийца — не эльф.

Аэрин почувствовала, как земля качнулась под ногами.

— Кто? — спросила она. — Кто мог это сделать?

— Мы не знаем, — ответила Элианна. — И поэтому мы поручаем это дело тебе.

Наступила пауза. Долгая и тягучая, как разлитая смола. Аэрин моргнула. Потом моргнула снова.

— Мне? — переспросила она, чувствуя, как внутри неё медленно закипает что-то, похожее на возмущение. — Вы поручаете расследование убийства старейшины — мне? Которая вырастила хищный цветок, что сожрал архив? Которую вы сослали на край леса, потому что считаете, что она не способна даже на примитивные заклинания?

— Мы считаем, что ты способна на большее, чем ты показываешь, — сказал Таллис. — И кроме того — все нормальные следопыты заняты. Гниль распространяется, и мы не можем отвлекать их от сдерживания угрозы. Ты — единственная, кто свободна.

Аэрин открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но старейшина уже смотрел на неё с выражением, которое говорило: «не спорь, не надо, мы уже всё решили».

— Я не свободна, — сказала она всё равно, потому что не умела молчать, когда была зла. — Я просто безработная после того цветка. И это не свобода, это наказание. Вы не даёте мне настоящих дел, потому что не доверяете мне. А теперь, когда есть реальное убийство, вы вдруг вспоминаете обо мне?

— Вот и поработай, — сказал Сильван, и в его голосе мелькнула едва заметная усмешка. — Покажи, что ты умеешь.

Аэрин сжала зубы так, что они закрипели. Она чувствовала, как Брынза на её плече напрягся, готовый каркнуть или клюнуть кого-то из старейшин, если понадобится. Но ворон был умён, он молчал.

— Я не хочу это расследовать, — сказала она твёрдо. — Это не моё дело. Я следопыт, а не сыщик. Я отслеживаю зверей, а не убийц. И кроме того, у меня головная боль.

— Головная боль не освобождает тебя от долга, — холодно ответила Элианна. — Фаэлин был нашим учителем и наставником. Он заслуживает того, чтобы его убийца был найден. И ты — сейчас единственная, кто может это сделать. Ты пойдёшь, Аэрин. И это не просьба. Это приказ.

Она смотрела на неё ледяным взглядом, и в этом взгляде читалось: «ты — изгой, ты — никто, но мы даём тебе шанс, и ты не имеешь права отказаться, потому что если ты откажешься, ты действительно станешь никем». Аэрин чувствовала, как гнев пульсирует у неё в висках, как хочется развер-

нуться и уйти, хлопнув дверью. Но она не могла. Потому что в глубине души она понимала: они правы. У неё нет других дел. И если она сейчас уйдёт, то никогда не сможет ничего доказать ни им, ни себе.

— Хорошо, — сказала она наконец, почти сломленно. — Я пойду. Но я не обещаю, что найду убийцу. Я не умею расследовать убийства.

— Научишься, — сказал Таллис, и в его голосе послышалась едва заметная теплота. — Ты умная девочка, Аэрин. Ты справишься.

— А если я не справлюсь? — спросила она, глядя ему в глаза.

Таллис не ответил. Только покачал головой, и в этом жесте было столько усталости и печали, что Аэрин вдруг поняла: старейшины сами не знают, что делать. Они просто пытаются найти хоть какой-то выход, хоть какую-то надежду, и для них эта надежда — она.

«Глупо, — подумала она. — Очень глупо. Надеяться на меня».

Но вместо того, чтобы сказать это вслух, она молча кивнула и повернулась, чтобы уйти. Но не успела сделать и шага.

Из-за спины старейшины, из-за ствола дуба, вышел Торн. Торн был высоким, даже по эльфийским меркам. На голову выше Аэрин, с тёмными, как вороново крыло, волосами, спадающими на плечи, с тонкими, аристократическими чертами лица, которые обычно называют «красивыми», если

не знать, что за ними скрывается высокомерие, граничащее с презрением. Он был одет в идеально подогнанный зелёный плащ с золотой вышивкой, на поясе у него висел кинжал с инкрустированной рукояткой, которая стоила больше, чем весь дом Аэрин вместе с Брынзой в придачу. И улыбался он всегда тонко, насмешливо, от чего хотелось бросить в него чем-нибудь тяжёлым.

— Она даже следы отличить не сможет, — сказал он, обращаясь к старейшинам, но глядя на Аэрин. — Вы уверены, что поручаете это дело ей? Я слышал, она перепутала следы дикого кабана и медведя прошлой осенью. И это был не единственный случай.

Аэрин почувствовала, как кровь приливает к лицу. Её щеки, всегда бледные, залил румянец, и она сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Торн, — сказала она ровным голосом, в котором, однако, слышался металл, — если ты не хочешь, чтобы я перепутала твой язык с трухлявым пнём и отрубила его, лучше заткнись.

Торн усмехнулся, но в его глазах мелькнула искра, удивления или злости, Аэрин не могла разобрать.

— О, у нас есть характер, — сказал он, делая шаг к ней. — Но характером убийцу не поймаешь. Нужен ум. А у тебя, Аэрин, с умом как раз проблемы.

Она сделала шаг вперёд, готовая сказать что-то такое, о чём потом пожалеет, но Брынза вдруг каркнул. Громко и

пронзительно, так, что все вздрогнули, даже старейшины. Ворон расправил крылья и взлетел с её плеча, сделал круг над головой Торна и сел обратно, посмотрев на него с выражением, которое можно было перевести только как «попробуй только дотронься до моей хозяйки, и я выключу тебе глаза, красавчик».

Торн поморщился и отступил.

— У тебя и ворон безмозглый, — сказал он, но голос его потерял уверенность. — Каркает, когда не надо.

— Он умнее тебя, — отрезала Аэрин. — По крайней мере, он умеет молчать, когда не знает.

Она повернулась к старейшинам, которые наблюдали за этой перепалкой с мрачным спокойствием.

— Я расследую убийство, — сказала она. — Не потому, что вы приказали, и не потому, что Торн меня разозлил. А потому, что Фаэлин был добр ко мне, когда другие смеялись. И я хочу знать, кто это сделал.

— Разумно, — сказала Элианна. — Мы дадим тебе доступ ко всем материалам. И учти, Аэрин, времени у тебя немного. Гниль не ждёт, и мы не можем позволить себе отвлекать силы на одно расследование, если оно затянется. У тебя есть неделя.

— Неделя, — повторила Аэрин. — Я поняла.

Она развернулась и пошла прочь с поляны, чувствуя на себе взгляды старейшин, и взгляд Торна, колющий, как иглы, впивающиеся в спину. Брынза переступил лапами на её пле-

че, чуть наклонился к уху и тихо каркнул.

— Да, — сказала она ему, не оборачиваясь. — Я знаю, что это безумие. Но у меня нет выбора. И я, наверное, никогда не научусь говорить «нет» старейшинам. Особенно когда они используют Фаэлина как аргумент.

«Кар», — согласился Брынза.

— И если он скажет ещё хоть слово, — добавила она, имея в виду Торна, — я прикажу тебе нагадить ему на голову. У тебя хороший прицел?

Ворон каркнул с энтузиазмом.

Аэрин улыбнулась, впервые за это утро. Улыбка была кривой и немного злой, но она была. Потому что, несмотря на всё, несмотря на абсурд поручения, на убийство, на Торна и старейшин, она чувствовала странное, смутное возбуждение. Ей дали шанс. Шанс что-то изменить. И пусть она не знала как, пусть у неё не было плана, но она была следопытом. А следопыты умеют идти по следу. Даже когда не знают, куда он приведёт.

— Ладно, Брынза, — сказала она, вступая на тропу обратно в лес. — Начинается новое дело. Первое настоящее расследование в моей жизни. И если я провалюсь, выгонят в Трясину Имени Себя. Будем жить на болоте.

Ворон одобрительно каркнул, и они вместе скрылись в зелёном сумраке.

Они шли к опушке молча. Лес, который обычно казался

Аэрин родным до последней травинки, сегодня выглядел чужим. Даже привычные тропы, которые она знала как свои пять пальцев, сегодня словно сместились, ушли в сторону, заросли незнакомыми кустами. Ветви над головой нависали ниже, чем обычно, и цеплялись за волосы, а корни под ногами вздувались так неожиданно, что Аэрин дважды споткнулась, вызывая недовольное карканье Брынзы.

— Мне не нравится этот лес сегодня, — пробормотала она, отводя от лица ветку, которая норовила хлестнуть её по щеке. — Как будто он хочет меня задержать. Не пустить.

«Кар», — согласился Брынза и крепче вцепился когтями в её плечо. Он тоже чувствовал напряжение, хотя не мог бы объяснить его словами. Вороны вообще редко объясняют словами, они просто знают, когда что-то не так.

Вскоре деревья расступились, и они вышли на опушку. Небольшую поляну, залитую холодным утренним светом, который пробивался сквозь редкие облака. Здесь воздух был другим, не таким густым. Здесь пахло не мёдом и корой, а чем-то чужим, металлическим и резким. Аэрин остановилась на границе поляны и замерла, принюхиваясь.

— Чувствуешь? — спросила она у ворона.

Брынза склонил голову, поводит клювом из стороны в сторону, и издал негромкий, тревожный звук, не похожий на его обычное «кар». Что-то среднее между ворчанием и предупреждением.

— Я тоже чувствую, — тихо сказала Аэрин. — Озон. Пах-

нет как после грозы. Но грозы не было. И в лесу не может быть озона. Здесь нет молний. Мы слишком далеко от гор.

Она сделала шаг вперёд, и тогда увидела двух стражников, которые стояли по краям поляны, напряжённые, бледные, сжимая копья так, словно те могли защитить их от того, что они уже видели. Одного из них, молодого, с ещё не успевшим отрасти вторым веком в запасе, слегка трясло. Второй, постарше, с обветренным лицом и сединой в светлых волосах, держался увереннее, но даже он не смотрел в центр поляны. Он смотрел куда-то в сторону, в пустоту, словно боялся увидеть то, что там лежит.

— Аэрин, — сказал он, когда она подошла ближе. — Мы... мы ждали тебя. Старейшины сказали, что ты придёшь.

— Я пришла, — ответила она. — Показывайте.

Стражник помедлил, потом кивнул и отступил в сторону, освобождая ей проход.

И тогда Аэрин увидела тело.

Фаэлин лежал на спине, раскинув руки, словно пытался обнять небо. Его лицо было бледным, почти белым, а зелёные глаза, которые всегда смотрели на неё с тёплой усталостью, были открыты, но смотрели в пустоту, в серое утро, которое уже не имело для него значения. На груди, там, где должен был находиться магический кристалл, зияла рваная рана. Неестественная, с обожжёнными краями, которые не кровоточили, а чернели, будто их коснулись огнём.

Аэрин почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

Она знала смерть. Она видела мёртвых оленей, убитых кабанов, даже пару эльфов, которые погибли в стычках с дикими тварями. Но это было другое. Это не походило ни на рану от когтей, ни на удар магией, ни на что-то, что она могла опознать. Это была не смерть от природы. Это было убийство.

— Мы ничего не трогали, — сказал молодой стражник, нарушая тишину. — Когда нашли его, он лежал так же. Мы просто... оцепили поляну.

Аэрин медленно перевела взгляд с тела на стражника, потом на землю вокруг. Следы. Множество следов. Сапоги стражников, их широкие, тяжёлые шаги, отпечатавшиеся в мягкой земле там, где они стояли, ходили, нервно переминались. Возле тела, целая сеть измятых трав и втоптаных цветов.

— Отлично, — сказала она с ледяной насмешкой, которая была ей свойственна, когда она злилась по-настоящему. — Значит, вы всё затоптали.

Стражники переглянулись. Молодой покраснел, старший нахмурился.

— Мы должны были оцепить место, — сказал он. — Мы не знали, что...

— Что нельзя топтаться вокруг трупа? — перебила Аэрин, и в голосе её прозвучал металл. — Я думала, это очевидно. Для того и существуют стражники, чтобы оцепить место и ничего не трогать. А вы, я смотрю, устроили тут утреннюю пробежку. Или вы думали, что убийца спрятался в траве и

его надо вытоптать?

Старший стражник сжал губы, но промолчал. Молодой выглядел так, будто хотел провалиться сквозь землю. Аэрин вздохнула, заставила себя успокоиться и опустилась на корточки рядом с телом.

«Прости, Фаэлин, — подумала она, глядя на его мертвое лицо. — Прости, что я не успела. И прости, что сейчас я буду говорить с тобой, как с живым. Но мне нужно сосредоточиться».

Она наклонилась к самому уху старейшины и прошептала: — Ты бы ещё сам встал и рассказал, кто тебя убил. Это было бы гораздо проще, чем искать иголку в этом вытоптанном поле.

Старший стражник, стоявший в трёх шагах, напрягся:

— Вы что-то сказали?

— Я разговариваю с трупами, — не оборачиваясь, бросила Аэрин. — У них больше ума, чем у тебя. По крайней мере, они не топчут улики.

Стражник хмыкнул, но промолчал. Брынза на плече Аэрин тихо каркнул, выражая одобрение.

Аэрин сосредоточилась на теле. Она осторожно осмотрела рану на груди, стараясь не касаться её пальцами. Края были обожжены ровно, почти идеально. Не как от магии, где ожоги обычно неровные, с рваными краями. Этот был чётким, геометричным, словно кто-то провёл по коже раскалённым лезвием. И вокруг раны, едва заметные следы, похожие

на маленькие ветвистые молнии, белесые линии на бледной коже. Ожог от разряда. От электрического тока.

— Это не магия, — сказала она вслух, скорее себе, чем стражникам. — Магия не оставляет таких следов. Магия — она тёплая и живая. Здесь же — холодный ожог. Как от удара молнии, но молнии в лесу не было.

Она поднесла руку к груди Фаэлина, не касаясь, просто чувствуя. Волосы на её пальцах чуть шевельнулись, и Аэрин уловила едва заметное покалывание. Статическое электричество. Оно всё ещё висело в воздухе, не успев рассеяться.

«Он умер от электричества, — поняла она. — Кто-то использовал что-то, что я не знаю. Не магия. Что-то другое. Чужое».

Она медленно отстранилась и огляделась вокруг. Трава на поляне была примята, но не везде. В одном месте, метрах в двух от тела, она заметила странную проплешину. Выжженную землю, где трава почернела и скрутилась, как после костра. Но костра здесь не было.

Аэрин встала, подошла к этому месту и опустилась на колени. Запах озона здесь был сильнее, почти осязаемый, горький и резкий, щипал ноздри и вызывал лёгкое головокружение. Она провела пальцами по почерневшей траве и нащупала что-то твёрдое и гладкое.

Маленький металлический обломок.

Она подняла его двумя пальцами и повертела перед глазами. Он был размером с ноготь большого пальца, слегка изо-

гнутой, с идеально ровными краями, словно вырезанный лазером. Металл был серебристым, блестящим, без единой царапины, и на ощупь казался почти тёплым, но это была не то тепло, которое оставляет магия или солнце. Это было тепло, которое возникает, когда металл долго находится в руке человека.

— Что это? — спросил старший стражник, подходя ближе.

— Не знаю, — ответила Аэрин, пряча обломок в карман куртки. — Но это не ваше дело. Ваше дело — стоять на посту и не мешать мне работать. И если вы ещё раз подойдёте так близко, я прикажу своему ворону клюнуть вас в глаз.

Брынза на её плече расправил крылья и демонстративно щёлкнул клювом. Стражник отступил, поднимая руки в примирительном жесте.

— Я просто хотел помочь, — буркнул он.

— Не надо, — отрезала Аэрин, вставая и отряхивая колени. — Если вы так сильно хотите помочь, идите в поселение и скажите старейшинам, что я осмотрела место. И что я буду отчитываться позже. А сейчас оставьте меня.

Стражники переглянулись, но спорить не стали. Они развернулись и пошли к тропе, оставляя Аэрин на поляне одну с телом и с чувством, что её жизнь только что стала намного сложнее.

Она подождала, пока их шаги стихнут в лесу, потом ещё раз наклонилась над Фаэлином. Его лицо было спокойным,

как у человека, который просто уснул и не проснётся. Но Аэрин знала, что он не спал. Он боролся. Он пытался защитить себя. И проиграл.

— Фаэлин, — сказала она тихо, касаясь пальцами его холодного лба. — Я найду того, кто это сделал. Клянусь тебе. Я найду его и заставлю заплатить. Ты был единственным, кто не смеялся надо мной. Ты верил в меня, даже когда я сама в себя не верила. Я не подведу тебя.

Она посидела так ещё мгновение, глядя на его лицо, на его руки, которые уже никогда не будут держать древние свитки, на его грудь, где когда-то бился светящийся кристалл, теперь пустую и холодную. Потом встала, отряхнула руки и повернулась к лесу.

Брынза на её плече тихо каркнул — вопрос.

— Нет, — ответила она. — Я не знаю, что это было. Но я знаю, что это не наш мир. Этот металл, этот ожог и этот запах — всё это пришло откуда-то извне.

«Кар», — сказал ворон и прижался к её щеке, словно пытаясь утешить.

— И мы должны узнать, что это за место, — добавила Аэрин, глядя на облака, которые медленно плыли над лесом, равнодушные к её горю.

Дом встретил её тишиной. Той особенной тишиной, которая бывает только в пустых жилищах, где никто не ждёт, не зажигает свечи и не ставит на стол горячий ужин. Аэрин за-

крыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Долго и шумно, будто весь день сдерживала дыхание. Брынза спрыгнул с её плеча, прошёлся по столу, критически оглядел остывший чайник и неодобрительно каркнул.

— Знаю, — сказала Аэрин, не открывая глаз. — Ужина нет. Воды нет. Чай холодный. И я, наверное, пахну смертью, так что не подходи ко мне, пока я не вымоюсь.

«Кар», — ответил Брынза, но он уже перелетел на подоконник и уставился в окно, где закат медленно догорал над лесом, оставляя на небе багровые разводы, словно кто-то пролил чернила и не стал их вытирать.

Аэрин наконец отлепилась от двери, скинула плащ на крючок, где он висел всегда, на самом видном месте, чтобы она не забывала его с собой, когда уходила в лес, и прошла к столу. Тело болело от напряжения. Она провела почти весь день на ногах, переходя от места убийства к дому старейшин, потом снова в лес, потом обратно, проверяя тропы, ища следы, которые, конечно же, никто не сохранил. Она была вымотана. Вымотана настолько, что даже голова болела не от утреннего недосыпа, а от количества мыслей, которые копились внутри, просясь наружу, но не находя выхода.

Она села на табуретку, положила руки на стол и уставилась на них, как будто они могли дать ей ответы. Ладони были чумазыми, следы от травы, от земли, от того странного металла, который она нашла у тела. Она посмотрела на свои пальцы, словно они могли что-то сказать, потом вздохнула и

полезла в карман.

Обломок был ещё тёплым. Она не знала, почему он сохранил тепло так долго. Может быть, из-за материала, а может быть, из-за того, что она носила его в кармане рядом с телом, прижимая к себе. Она выложила его на стол перед собой. Маленький, серебристый, с идеально ровными краями, он лежал на тёмном дереве, как капля чужого мира, которая случайно упала в её реальность и теперь ждала, что с ней сделают.

— Ну, здравствуй, — сказала Аэрин обломку, не зная, зачем говорит с куском металла. — Ты, наверное, думаешь, что я сошла с ума, раз разговариваю с тобой. Но ты не первый неодушевлённый предмет, с которым я веду беседы. Брынза у меня в том же списке.

Ворон на подоконнике обернулся и каркнул. Без обиды, скорее с интересом.

Аэрин взяла обломок в руки. Он был гладким, почти скользким, как стекло, но тёплым, как живой. Лёгким, гораздо легче, чем должен быть металл такого размера. Она поднесла его к уху, потрясла — внутри ничего не звенело. Понюхала — пахло всё тем же озоном, но слабее, едва уловимо, как воспоминание о грозе, которая прошла много часов назад.

— Это не наше, — сказала она вслух, словно проверяя звук собственного голоса. — Это не наш металл. Наш — он тёплый и живой, он дышит магией. А этот — холодный, без

единой неровности. Как будто его не ковали, а вырастили в какой-то невидимой форме. Или распечатали. Или... я не знаю. Я не знаю, что это.

Брынза перелетел с подоконника на стол и приблизился к обломку, склонив голову набок. Его чёрный глаз блеснул в свете уходящего дня, и Аэрин могла поклясться, что в его взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство. Ворон, который видел много странных вещей, тоже не знал, что это.

— Не клуй, — сказала она, прикрывая обломок ладонью.
— Он не еда.

Брынза недовольно повёл головой, но отступил на шаг. Потом снова приблизился и ткнулся клювом в её пальцы.

— Не еда, — повторила Аэрин. — Хотя... может, он и правда железный. Клуй, если хочешь.

Она убрала ладонь, и ворон, оценив разрешение, аккуратно клюнул обломок. Раздался тонкий, звонкий звук, «динь», чистый и высокий, как колокольчик. Брынза отскочил, удивлённо моргнул, а потом клюнул снова. «Динь». Ещё раз. «Динь».

— Ну вот, — сказала Аэрин, глядя на это действие с усталой усмешкой. — Теперь у нас есть железный завтрак. Надеюсь, он тебе понравится. Потому что на кашу у меня уже нет сил.

Брынза наконец оставил обломок в покое и взглянул на неё с выражением, которое можно было расшифровать как «ты что, серьёзно? ты будешь есть это?» Аэрин лишь пока-

чала головой, взяла обломок и положила его на полку, где хранились её самые странные находки. Несколько засохших цветов, камень с дыркой посередине, странный череп неизвестного зверя и теперь этот серебристый кусочек.

— Может, из другого мира? — спросила она тихо, глядя на обломок. — Но таких не бывает... Не бывает же? Мы — единственный мир. Так говорят старейшины. Так говорят все. И я никогда не слышала, чтобы кто-то видел что-то подобное.

Она помолчала, глядя на полку. Потом добавила, почти шёпотом:

— А если бы и были другие миры, то как туда попасть? И как оттуда сбежать? И кто из них может прийти и убить нашего старейшину?

Брынза каркнул. Тихо, почти сочувственно. Аэрин вздохнула, встала и прошлась по комнате, ощущая, как холодок от пола проникает сквозь стопы, как в воздухе собирается вечерняя сырость, которая заставит огонь в очаге скоро погаснуть.

Она не знала ответов. У неё не было плана. Только обломок и запах озона, который всё ещё преследовал её, как призрак.

«Фаэлин, — подумала она, останавливаясь у окна и глядя на тёмнеющий лес. — Ты знал что-то. Ты пошёл к Запретному дубу, потому что чувствовал, что там что-то не так. Что

ты искал? Что ты нашёл? И кто тебя остановил?»

Лес молчал. Ветер шевелил кроны, но не приносил ответов.

Аэрин подошла к кровати, села на край, рассеянно погладила Брынзу, который уже перелетел обратно на подоконник и теперь сидел там, нахохлившись, готовясь ко сну. Ворон был её единственным собеседником в этом доме, и хотя он не мог говорить, он понимал её лучше, чем многие эльфы, с которыми она пересекалась за последние годы. Он знал, когда она зла, когда грустна, когда хочет, чтобы её оставили в покое. И сейчас он сидел тихо, давая ей пространство.

— Я должна что-то делать, — сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к ворону. — Я не могу просто сидеть здесь и ждать, когда всё решится само. Фаэлин мёртв. Кто-то убил его. И я обещала найти убийцу. Но я не знаю, с чего начать. Я даже не знаю, что это за металл. Я не знаю, что за ожог.

«Кар», — тихо сказал Брынза, и послышалось что-то похожее на «потерпи, что-нибудь придумаем».

— Ты прав, — вздохнула Аэрин. — Наверное, надо просто пережить эту ночь и завтра начать сначала. Найти какие-то книги, расспросить старейшин, попытаться понять, откуда взялся этот обломок. Может быть, старый Таллис знает что-то, чего не говорит. Или... я не знаю. Может быть, я просто хочу спать.

Она наконец разулась, стащила с себя куртку и бросила её на спинку стула, даже не потрудившись повесить её на крю-

чок. Рубашка, которая была на ней, тоже пахла лесом. Она стянула и её, оставшись в тонкой сорочке, которую носила дома. Ей было всё равно. В этом доме никто не видел её, кроме ворона, а ворон, как известно, не осуждает.

Она легла на кровать, чувствуя, как матрас, набитый сухой травой, принимает её уставшее тело. Подушка пахла мятой, она сама набила её в прошлом году, чтобы лучше спать. Но сегодня даже мята не могла заглушить запах смерти и странного металла, который въелся в волосы и кожу.

— Брынза, — сказала она, глядя в потолок. — Ты когда-нибудь задумывался о том, что существует что-то за пределами нашего леса? Нет, я не о горах и не о море. Я о чём-то другом. О том, чего мы не видим, но что может быть рядом.

Ворон не ответил. Он уже начал дремать, уткнувшись головой в крыло.

— Хоть бы приснилось что-то нормальное, — пробормотала Аэрин, закрывая глаза. — Может быть, сон о солнечном поле. Или о том, как я пью хороший чай, который не горчит. Или о... я не знаю. О чём-то простом. О чём-то, что не требует расследования.

Она вздохнула, чувствуя, как тепло закутывает её, как тело расслабляется, отпуская дневные напряжения. Усталость была тягучей, сладкой, и она проваливалась в неё, как в мягкое, тёплое море.

— Просто нормальный сон, — прошептала она уже сквозь сон. — Без трупов. Без...

Она замолчала. Дыхание её стало ровным и глубоким. Веки сомкнулись окончательно.

За окном лес продолжал жить своей жизнью. Ветер шелестел листьями, где-то ухал филин, в ночной траве скреблись мелкие зверьки. Брынза приоткрыл один глаз, посмотрел на хозяйку, убедился, что она спит, и снова зажмурился. Всё было как обычно. Всё было как всегда.

3

ГЛАВА 2. «Проснуться в чужом теле»

Город никогда не спал. Кай знал это лучше, чем кто-либо другой, потому что сам почти никогда не спал. Нью-Вавилон гудел за стенами его квартиры. Бесконечный и многослойный, пульсирующий ритм, который проникал сквозь бетон и стекло, сквозь звукоизоляцию и сон, напоминая о том, что ты никогда не один, но при этом всегда одинок. Гул транспортных магистралей, далёкие сирены, гул голографических реклам, которые менялись каждые три секунды, всё это было фоновым шумом жизни, к которому он привык, как привыкают к тиканью часов или к дыханию собственного тела.

Кай лежал на узком диване, который служил ему и кроватью, и рабочим местом, и обеденным столом — в зависимости от времени суток и степени отчаяния. Сейчас было около трёх часов ночи, и он должен был спать. Должен был, потому что завтра (точнее, уже сегодня) его ждал очередной

день в участке, капитан Рейнольдс с его вечным «Кай, ты опять не спал?», очередные бумаги, которые никто не читал, и очередное дело, которое никто не хотел расследовать, потому что это было «слишком странно» и «не вписывалось в протокол».

Но Кай не спал. Он сидел на диване, поджав ноги, и смотрел на голографический экран, который парил перед ним, заполненный строками данных, графиков и фотографий с мест преступлений. Три трупа за неделю. Все с одинаковыми странными пятнами на груди. Бурыми, похожими на плесень, но не плесень. Лаборатория сказала, что это споры. Но каких растений, они не знали. В Нью-Вавилоне не было таких растений. Искусственные парки, генномодифицированные деревья, стерильная почва — ничего, что могло бы дать такие споры.

«Откуда они взялись? — думал Кай, водя пальцем по воздуху, перелистывая отчёты. — Их не может быть в городе. Или может? Я что-то упускаю».

Он потёр глаза, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Имплант на затылке, небольшой серебристый чип, вживлённый три года назад, пульсировал тупой болью. Как всегда, когда он перегружал его работой. Кай знал, что надо отдохнуть. Знал, что имплант перегревается, что нейроны требуют перезагрузки, что если он не даст себе передышку, то начнутся галлюцинации, о которых предупреждали врачи, когда ставили ему этот чип. «Усовершенствованный когнитивный

модуль», — называли они его. «Дорогой, современный и экспериментальный». И Кай тогда подписал все бумаги, потому что хотел быть лучшим. Хотел видеть то, что не видят другие, вычислять то, что не вычисляют обычные детективы.

И он видел. Но цена была высокой.

— Ещё пять минут, — сказал он экрану, хотя никто не спрашивал. — Ещё пять минут, и я лягу. Я просто хочу понять, что это за чёртовы споры.

Кай закрыл глаза на секунду, и эта секунда превратилась в минуту, а минута — в десять. Он не заметил, как его голова упала на подушку, как рука соскользнула с сенсорной панели, как экран погас, оставляя комнату в полумраке, который пробивался сквозь единственное окно, узкую щель в стене, выходящую на глухую стену соседнего небоскрёба. Он не заметил, как заснул. Но он заметил, как проснулся.

Потому что сон был слишком реальным.

Он стоял в лесу.

Кай никогда не был в настоящем лесу. Он видел их на голографических картинках, в учебных программах, в старых фильмах, которые показывали по ночным каналам, когда ничего другого не транслировали. Но он никогда не стоял в настоящем, живом лесу, где пахнет не стерильным воздухом и синтетическими ароматизаторами, а мокрой корой, гниющими листьями и чем-то влажным, тёплым и живым.

И сейчас он стоял именно там.

Ноги утопали в мягкой, влажной земле, которая пружи-

нила под подошвами. Вокруг стволы деревьев, высокие, тёмные, с корой, покрытой мхом. Между ними, серый, тягучий туман, который скрывал горизонт, делая лес бесконечным и одновременно замкнутым. Где-то вдалеке кричала птица. Не механическая, не запись, а настоящая, живая птица, которая тоже была частью этого сна.

«Я сплю, — подумал Кай, но мысль прозвучала странно, глухо, как будто доносилась откуда-то издалека. — Я сплю. Это просто сон. Имплант перегрелся, и я вижу галлюцинации. Надо проснуться».

Но он не просыпался.

Вместо этого он почувствовал запах. Резкий и горький, как от старого, гниющего дерева, которое пропитано влагой и разложением. Гниль. Кай не знал, откуда взялось это слово в его голове, но оно пришло само собой, точное и ёмкое. Гниль. Вокруг пахло Гнилью. И этот запах был настолько сильным, что перебивал даже запах леса.

Кай сделал шаг вперёд, и тогда он почувствовал боль.

Она пришла неожиданно. Резкая, обжигающая, как удар током. Прямо в грудь. Он инстинктивно схватился руками за то место, где боль была сильнее всего, и нащупал под пальцами что-то мокрое, липкое и горячее. Он опустил взгляд и увидел, что на его груди, там, где должна быть целая, нетронутая кожа, зияет рваная рана, обожжённая по краям, с чёрными, скрученными краями, как после удара молнии. Вокруг раны — тонкие белесые линии, похожие на молнии, за-

стывшие в коже.

— Что за... — прошептал он.

Боль была невыносимой. Она жгла, пульсировала, заставляла его сгибаться пополам, задыхаться и хватать ртом воздух. Он попытался отнять руки от груди, но не мог. Ладони прилипли к ране, как будто она сама держала их, не давая отпустить.

— Это сон, — сказал он громче, пытаясь убедить себя. — Это просто сон. Это галлюцинация. Это из-за импланта. Я должен проснуться. Я должен...

Он открыл глаза.

Квартира. Тот же полумрак, тот же диван, та же стена за окном, которая не давала увидеть небо. Но сердце бешено колотилось, а грудь, его настоящая грудь, всё ещё горела и пульсировала болью, хотя там не было ни раны, ни крови, ничего.

Кай закричал.

Коротко, сдавленно, как от неожиданности. Он схватился за грудь руками, ожидая нащупать что-то мокрое, липкое, но пальцы встретили только гладкую, чуть влажную от пота кожу. Рваная ткань рубашки, которую он не снимал уже второй день, вот и всё. Никаких ран. Никаких ожогов. Только лёгкое покраснение, которое уже начинало бледнеть.

Но боль осталась. Тупая, ноющая, как воспоминание о том, что ему не следовало чувствовать.

— Чёрт, — выдохнул Кай, откидываясь на подушку и гля-

дя в потолок. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он лежал так несколько минут, пытаясь унять дыхание, пытаясь убедить себя, что это просто ночной кошмар, что имплант снова дал сбой, что врачи предупреждали, если он будет перегружать его, начнутся галлюцинации. Но он не мог забыть запах Гнили. И боль. И тот лес, такой реальный, такой живой, что он всё ещё чувствовал его на коже.

— Отлично, — сказал он наконец, садясь на диване и растирая лицо ладонями. — Отлично. Я теперь вижу лес во сне. Мне не хватало только деревьев в этих бетонных джунглях. Отлично, Кай. Ты с ума сошёл.

Он повернулся к столу, где лежал его планшет, и ткнул пальцем в сенсорную панель. Экран засветился, выведя на поверхность график работы импланта — пульсирующую линию, которая показывала активность нейронов, температуру чипа, уровень стресса. Всё было в норме. Ну, почти. Показатели были повышены, но это было ожидаемо, он не спал двое суток, пил кофе, работал по шестнадцать часов. Имплант просто перегревался. Это объясняло галлюцинации.

Кай вздохнул, откинул планшет в сторону и попытался снова лечь. Но тело не слушалось. Оно всё ещё помнило ту боль, тот ожог, тот чужой, пугающий мир, который вдруг вторгся в его сознание.

— Ладно, — сказал он себе, прикрывая глаза. — Ладно. Это был просто сон. Просто сон. Я переутомился, я увидел странный сон, и теперь мне надо поспать ещё несколько ча-

сов. А завтра я пойду к врачу и скажу ему, что имплант начинает глючить. И он скажет, что я слишком много работаю. И я скажу ему, что это моя работа. И мы поспорим. И я проиграю спор, потому что он всегда прав.

Он лежал с закрытыми глазами, но сон не шёл. Вместо этого он слышал запах Гнили. Он будто въелся в его одежду, в волосы, в кожу, хотя он никогда не был в том месте, где пахло так. Он чувствовал, как под веками всё ещё пульсирует тот чужой мир. Тёмный и влажный, полный звуков, которых не было в его реальности.

— Мне нужен кофе, — пробормотал он, снова садясь. — Мне нужен кофе, и мне нужен воздух. И мне нужен кто-то, кто объяснит мне, что это вообще было.

Он встал, прошлёпал босыми ногами к крошечной кухонной нише, нажал кнопку на кофе-машине. Аппарат загудел, зашипел, выпустил струю тёмной жидкости в кружку. Запах кофе, настоящий и привычный, перебил наконец тот чужой, гнилостный аромат, который преследовал его.

Кай взял кружку, сделал глоток, и боль в груди наконец начала утихать.

— У меня галлюцинации, — сказал он себе, глядя на своё отражение в тёмном окне. — У меня галлюцинации, и я скоро стану таким же сумасшедшим, как тот старик, который живёт на двадцать пятом этаже и разговаривает с растениями. Но у того старика хотя бы есть растения.

Он отпил ещё глоток, поставил кружку на стол и снова сел

на диван. Спать не хотелось. После такого сна, наоборот, организм был на взводе, готовый бежать, драться, расследовать что угодно, только не лежать в тишине и не вспоминать.

Кай взял планшет, открыл отчёт и уставился на фотографии. Споры. Те самые споры, которые он не мог идентифицировать. Он вдруг подумал: а не связаны ли они с тем сном? С тем лесом, где пахло Гнилью? С той болью, которую он чувствовал на груди?

«Бред, — отрезал он сам себя. — Бред. Это просто совпадение. Или нет?»

Имплант на затылке пульсировал. Не больно, но настойчиво, как напоминание о том, что он перегружен, и что ему нужен отдых. Но Кай уже не мог остановиться. Он чувствовал, как внутри него закипает любопытство, смешанное со страхом, и это было сильнее, чем усталость.

— Завтра, — сказал он себе, закрывая глаза. — Завтра я пойду к врачу. Или нет. Я разберусь сам. Это не первый раз, когда имплант показывает странные вещи.

Он натянул на себя тонкое одеяло и заставил себя дышать ровно. Глаза закрылись. Сознание начало медленно плыть, уходя в туман. Но вместо привычной темноты перед глазами возникли те же стволы деревьев, тот же влажный воздух и тот же запах Гнили.

— Нет, — прошептал Кай, пытаясь вырваться. — Нет, только не снова...

Но сон уже накрывал его, мягкий и липкий, как тёплая

смола. И он снова стоял в лесу, снова чувствовал боль в груди, и снова слышал шёпот. Далёкий, почти неразличимый, но такой отчётливый, что его волосы вставали дыбом.

— Кто здесь? — спросил он в пустоту. — Кто ты?

Но ответа не было. Только шёпот ветра в кронах и далёкий крик птицы, которая не умолкала.

Имплант на его затылке мигнул. Один раз, два, три. И погас.

Кай проснулся снова, но на этот раз он не кричал. Он просто сидел на диване, глядя в одну точку, и чувствовал, как его мир начинает трещать по швам.

«Это не сбой, — подумал он. — Это не перегрев. Это что-то другое. Что-то, чего я не понимаю.»

В участок 13-й префектуры Кай вошёл с таким видом, будто его переехал грузовик, потом развернулся и переехал ещё раз — для надёжности. Голова гудела, пульсировала где-то в висках, и каждый шаг отдавался глухой болью, которая делала мир размытым и неприятным. Кофе, выпитый за ночь, уже давно перестал помогать, а новый он не брал, потому что кофемашина в участке выдавала настолько отвратительный напиток, что даже Кай, привыкший ко всему, не мог заставить себя его пить.

— Ты выглядишь как смерть, — сказала Линда из регистратуры, даже не поднимая головы от своего голографического экрана. — Приятно знать, что утром меня встретит не

ты, а твой труп, который забыл лечь в морг.

— Спасибо, Линда, — буркнул Кай, проходя мимо. — Ты тоже выглядишь прекрасно. Как всегда.

— Я знаю, — ответила она без тени улыбки.

Он прошёл через открытое пространство участка, где за столами сидели другие детективы. Кто-то пил кофе, кто-то разговаривал по коммуникатору, кто-то просто тупо смотрел в стену, пытаясь понять, зачем он вообще встал сегодня утром. Кай не задерживался. Он нырнул в свой кабинет, крошечную комнатку с одним окном, выходящим на глухую стену соседнего здания, где было темно даже днём, и рухнул на стул, закрыв глаза.

«Три часа, — подумал он. — Я спал три часа. Три часа из восьми возможных. И то, я не уверен, что это был сон, а не предсмертная галлюцинация».

Он потёр виски, пытаясь успокоить пульсирующую боль. Имплант на затылке был тёплым, заметно теплее, чем обычно. Он снова перегревался. Или Кай перегревался сам. Или они перегревались вместе, как два дурака в одной лодке, которая плывёт к водопаду.

— Кай!

Голос капитана Рейнольдса разнёсся по участку даже сквозь стены, и Кай вздрогнул, открывая глаза. Он знал этот голос, который мог разбудить даже мёртвого, если тот услышит его в морге. Рейнольдс был типичным представителем старой школы. Брутальным, приземлённым, не терпящим

теорий, которые он не мог проверить грубой силой. Он верил в улики, которые можно потрогать, и в преступников, которых можно арестовать, и в то, что любой детектив, который не спит ночами — наркоман.

— Кай! — повторил Рейнольдс, входя в кабинет без стука, как всегда. — Ты опять не спал? У тебя под глазами круги, как у панды. Только у панды они чёрные, а у тебя — фиолетовые. Это новый цвет?

Кай вздохнул, поднимая взгляд на начальника. Рейнольдс был высоким, широкоплечим, с седыми висками и лицом, которое казалось вырезанным из гранита, с той же степенью выразительности. Он стоял в дверях, сложив руки на груди, и смотрел на Кая с выражением, которое говорило: «Ты меня бесишь, но ты хорошо ищешь маньяков, поэтому я тебя терплю».

— Панды вымирают, — ответил Кай, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем он себя чувствовал. — А я — нет. Так что не сравнивай меня с редкими животными.

— Ты вымираешь быстрее панд, — отрезал Рейнольдс, переступая порог. — За неделю ты похудел на два килограмма, не ешь, не спишь, и все говорят, что ты разговариваешь сам с собой в кабинете. Это уже клиника.

— Я разговариваю с планшетом, — возразил Кай. — Это разные вещи. Планшет не перебивает и слушает внимательно.

Рейнольдс фыркнул, как старый, уставший дракон, и

швырнул на стол Кая толстую папку, которая глухо стукнула об пластик, отскочила и чуть не слетела на пол. Кай поймал её на лету. Он привык к жестам начальника, резким, быстрым, как у человека, который всегда спешит и всегда недоумен.

— Дело об убитых с чипами, — сказал Рейнольдс. — Три трупа за неделю. Идут вразнобой, но почерк похожий. Все с вырванными имплантами. Маньяк, который собирает чипы. Твоя задача — найти его и посадить за решётку.

Кай открыл папку, пробегая глазами по первым страницам. Стандартные формулировки: дата, время, место происхождения, предварительные выводы патологоанатома. Но потом он перевернул страницу и увидел фото.

Первая жертва — мужчина, лет сорока, с открытыми глазами, смотрящими в никуда. Лицо бледное, безжизненное, но Кая привлекло не лицо. Он смотрел на грудь. Там, там, где должен был быть чистый участок кожи, зияли странные, бурые пятна, неправильной формы. Похожие на плесень.

Вторая жертва — женщина, тридцать пять лет, та же картина. Пятна на груди, тёмные, почти чёрные, с неровными краями, которые не вписывались в обычную картину ранений или ожогов.

Третья — мужчина, сорок пять лет, такие же пятна.

Кай перевернул ещё несколько страниц и нашёл заключение лаборатории: «Образцы биологического материала идентифицированы как споры неизвестного происхожде-

ния. Генетический анализ не дал соответствия ни одному из известных видов растений Нью-Вавилона. Предположительно — инопланетное происхождение (невозможно подтвердить)».

— Капитан, — сказал Кай, поднимая взгляд от папки. — Это не стандартное ограбление. Ты видел эти пятна? Это не следы ожогов, не следы удушения, не ничего из того, что мы обычно видим. Это споры. Споры растений, которых нет в городе.

Рейнольдс тяжело вздохнул, закатил глаза и скрестил руки на груди так, что его бицепсы угрожающе напряглись.

— Кай, я знаю, что тебе нравится искать необычные объяснения, потому что обычные — это скучно. Я знаю, что ты считаешь себя гением, который видит то, что не видят другие. Но здесь — просто маньяк. Он убивает людей, вырывает им чипы и оставляет странные следы. Может быть, он работает на чёрный рынок. Может быть, он псих. Может быть, он просто коллекционирует импланты. Мне всё равно. Просто найди его.

— Капитан, — настаивал Кай, ткнув пальцем в фото. — Ты видишь это? Споры. Они не растут в Нью-Вавилоне. У нас искусственная почва, генномодифицированные деревья, стерильные парки. Здесь не может быть таких растений. А если они есть, значит, кто-то их принёс. Откуда?

Рейнольдс подошёл ближе, взглянул на фото и покачал головой.

— Может быть, он приносит их из другого района, — предположил он с явной неохотой. — Может быть, он работает в ботаническом саду. Может быть, он выращивает их дома. Мне всё равно, Кай. Твоя задача — найти человека, который это сделал. А не расследовать происхождение чёртовых пятен.

— Но если мы поймём, откуда они, мы сможем выйти на след убийцы! — воскликнул Кай, чувствуя, как внутри него закипает привычное раздражение. — Это не просто совпадение! Три трупа с одинаковыми спорами, которые не растут в городе! Это улика, капитан!

Рейнольдс снова вздохнул, громко и тяжело.

— Кай, — сказал он тоном, которым говорят с упрямыми детьми, — я даю тебе дело. Ты берёшь папку, идёшь на место преступления, собираешь улики, допрашиваешь свидетелей, находишь подозреваемых. Если ты хочешь покопаться в этих спорах — пожалуйста. Покопайся. Но в конце концов ты должен найти убийцу. Я не хочу читать в отчёте о том, что ты нашёл новый вид плесени. Я хочу читать о том, что ты арестовал психопата.

Он повернулся и направился к двери, но у порога остановился и обернулся.

— И, Кай, — добавил он. — Если ты не выступишь сегодня ночью, я лично налью тебе снотворного и заставлю выпить. Ты выглядишь так, будто смерть уже стоит за твоей спиной и ждёт, когда ты упадёшь.

Кай хотел возразить, но промолчал. Он знал, что спорить с Рейнольдсом бесполезно, тот всегда оставался при своём мнении, и переубедить его можно было только фактами. А фактов у Кая пока не было.

— Я займусь делом, — сказал он вместо спора. — Найду убийцу.

— Вот и отлично, — кивнул Рейнольдс и вышел, оставив дверь открытой.

Кай проводил его взглядом, потом снова уставился на фото. Споры. Он поднёс папку ближе к глазам, разглядывая каждый отпечаток, каждое пятно. Они были разного размера: от совсем маленьких, похожих на точки, до крупных, с неровными краями. Но все они имели одну и ту же особенность. Они были тёмными, почти чёрными, и на ощупь, если верить заключению патологоанатома, сухими, хрупкими, как старые листья.

— Откуда вы взялись? — прошептал Кай, глядя на фото. — И зачем вы здесь?

Он отложил папку, взял планшет и быстро набрал запрос в базе данных: «Грибные споры, неидентифицированные, Нью-Вавилон». Система выдала пустой список. «Споры, неизвестное происхождение, не классифицированы». Ещё один пустой список.

— Ничего, — сказал он себе. — Это странно. Если их нет в базе, значит, их никто не видел раньше. Или не счёл нужным занести. Или... они действительно из другого места.

В его голове мелькнула мысль о том лесе из сна. О том запахе Гнили. О боли в груди, которая пришла откуда-то извне. «Нет, — отогнал он эту мысль. — Это просто сон. И споры — это совпадение. Они не связаны».

Но он чувствовал, что это неправда.

Кай взял папку, встал, накинул на плечи старый потёртый плащ, который висел на спинке стула, и вышел из кабинета. В коридоре он столкнулся с Линдой, которая несла стопку документов.

— Рейнольдс дал тебе дело, — сказала она, даже не спрашивая. — Я видела его лицо. У него было выражение «я сейчас сойду с ума от этого детектива».

— Я люблю своё начальство, — ответил Кай, проходя мимо. — Оно отвечает взаимностью.

— Куда ты? — крикнула она ему в спину.

— На место преступления, — бросил Кай, не оборачиваясь. — Буду искать маньяка, который коллекционирует чипы и приносит с собой инопланетную плесень. Обычное утро.

Линда фыркнула, но ничего не сказала. Она знала Кая достаточно долго, чтобы понимать, что когда он говорит странные вещи, лучше просто отпустить его и дать ему уйти. Потому что в противном случае он объяснит тебе, почему эти странные вещи на самом деле не такие уж странные, и это будет длиться вечно.

Кай вышел из участка на улицу, где его встретил привычный шум Нью-Вавилона. Гул транспортных магистралей, го-

логафические рекламы, крики уличных торговцев. Город жил своей жизнью, не обращая внимания на его бессонную ночь и странные сны.

Заброшенный склад в промышленном районе Нью-Вавилона был огромным, тёмным, пропахшим машинным маслом и ржавчиной. И, судя по звукам, которые доносились из-под пола, крысы здесь чувствовали себя вполне комфортно.

Кай остановился у входа, давая глазам привыкнуть к полумраку. Свет, который проникал через высокие, запылённые окна под потолком, был скудным и бледным. Его едва хватало, чтобы различать силуэты, но Кай уже включил свой имплант, который мгновенно усилил изображение, сделав каждую тень, каждую царапину на стенах, каждую каплю конденсата на трубах отчётливой и резкой. Это была одна из немногих функций, за которые он любил свой чип. Не за постоянные головные боли, не за бессонницу и не за странные сны, а за то, что он мог видеть мир таким, каким его не видят другие. Более чётким. Более детальным.

— Кай! — раздался голос из глубины склада. — Ты вовремя. Я как раз заканчиваю.

Кай узнал этот голос. Техник Дженсон, молодой парень, которого Рейнольдс прикомандировал к его делам, потому что он был единственным, кто не боялся странных улик и не задавал лишних вопросов. Дженсон был низкорослым, с вечно взлохмаченными волосами и вечно перепачканными

руками. Он работал с такими вещами, что даже старые детективы иногда морщились. Но он любил своё дело, и это делало его ценным союзником.

— Дженсон, — сказал Кай, подходя ближе. — Что у нас?

— Третья жертва, — ответил техник, указывая на тело, которое лежало на импровизированном столе. На старом, ржавом верстаке, который кто-то когда-то использовал для ремонта оборудования. — Мужчина, сорок пять лет, безработный, но с дорогим чипом последнего поколения. Имплант вырван, как и у двух предыдущих. Рана чистая, профессиональная.

Кай подошёл к телу. Оно лежало на спине, руки были раскинуты в стороны, как у распятого. Бледное лицо, с закрытыми глазами, без следов борьбы. Но Кай не смотрел на лицо. Он смотрел на грудь, туда, где на бледной коже темнели те самые бурые пятна, с неровными краями, похожие на грязные разводы от старой воды.

— Споры, — сказал Кай, садясь на корточки рядом с верстаком. — Те же, что и на первых двух телах.

— Да, — подтвердил Дженсон, подавая ему небольшой кейс с инструментами. — Те же самые. Я уже взял пробу для лаборатории, но если хочешь, можешь взять свою. Вдруг им понадобится второй образец.

Кай кивнул, открыл кейс и достал небольшой портативный микроскоп. Модель, которую он носил с собой всегда, потому что никогда не доверял лабораторным отчётам, ко-

которые могли затянуться на несколько дней. Он осторожно поднёс прибор к пятну на груди жертвы, нажал кнопку фокусировки, и через секунду на маленьком экране появилось увеличенное изображение.

Споры. Они были именно такими, как он и предполагал. Тёмные, почти чёрные, с толстыми клеточными стенками, покрытые мелкими шипами, которые делали их похожими на маленькие, колючие шарики. Они лежали на коже в хаотичном порядке, но Кай заметил, что они не просто прилипли. Они как будто вросли в неё, образовав тонкую, почти незаметную плёнку, которая покрывала грудь жертвы.

— Это не просто пыль, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Это биологический материал. Они выглядят живыми. Или, по крайней мере, недавно живыми.

— Мы уже отправили образец в лабораторию, — сказал Дженсон, стоя рядом и заглядывая через плечо Кая. — Они сказали, что это похоже на грибные споры, но таких у нас нет. Ни в одной базе данных.

Кай поднял взгляд от микроскопа и посмотрел на техника.

— Таких у нас нет, — медленно повторил он. — А где они есть?

Дженсон пожал плечами, и его лицо приняло выражение человека, который уже привык к тому, что не знает ответов на половину вопросов Кая.

— Не знаю. Я просто техник, Кай. Моя задача собрать улики, упаковать их, отправить в лабораторию и ждать ре-

зультатов. Я не биолог, не ботаник и не специалист по инопланетной флоре.

— Но ты видел споры раньше? — настаивал Кай, отрываясь от микроскопа и поворачиваясь к нему. — На других делах?

— Нет, — признался Дженсон, и в его голосе послышалось лёгкое удивление. — Я работаю здесь пять лет. За это время я видел много странных вещей. Следы крови, которые не принадлежали жертвам, отпечатки пальцев, которые вели в никуда, химические вещества, которые нельзя было идентифицировать. Но грибных спор, таких, я никогда не видел. Это что-то новое.

Кай вздохнул, выпрямился и убрал микроскоп обратно в кейс. Он снова взглянул на тело, на эти странные, пугающие пятна, которые не вписывались ни в какую картину, которую он мог себе представить. Три трупа. Три вырванных чипа. Три одинаковых биологических следа, которых не должно было быть в Нью-Вавилоне.

— Может быть, у него была аллергия? — спросил Дженсон, пытаясь пошутить, но его голос звучал неуверенно.

Кай фыркнул, но в этом звуке не было веселья.

— Аллергия на чипы? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, что у него началась аллергическая реакция на собственный имплант, и он умер от того, что его организм отверг инородное тело?

— Ну, — Дженсон пожал плечами, — я не знаю. Я просто

техник.

— Ты не просто техник, — сказал Кай, и в его голосе слышалась сталь. — Ты — человек, который видит улики. И сейчас ты видишь споры. Ты знаешь, что они не отсюда. Ты знаешь, что они не растут в нашем городе. Ты знаешь, что это не аллергия.

Дженсон замялся, взглянул на тело, потом на Кая.

— Да, — признался он наконец. — Это не аллергия. И это не грибок, который может появиться в сыром подвале. Я не знаю, что это, Кай. Но мне это не нравится.

— Мне тоже, — ответил Кай, и в его голосе послышалась усталость, которая смешалась с раздражением. — Мне тоже.

Он наклонился над телом ещё раз, на этот раз внимательно осматривая рану, где раньше был имплант. Она была чистой и ровной, профессиональной. Кто-то знал, что делает. Кто-то умел извлекать чипы так, чтобы не повредить их, и не оставлять лишних следов. Это был не дилетант. Это был кто-то, кто делал это не в первый раз.

— Вырван чип, — сказал Кай, выпрямляясь. — Аккуратно вырван. Без лишней крови. Кто-то знает анатомию. Кто-то знает, как работать с имплантами. Может быть, даже врач.

— Или торговец на чёрном рынке, — добавил Дженсон. — Они обычно умеют извлекать чипы чисто. Чтобы продать их потом дороже.

Кай покачал головой.

— Торговец не стал бы оставлять споры. Торговец хотел

бы скрыть следы. А здесь — их оставили. Или они появились сами. Я не знаю.

Он замолчал, глядя на тело, на эти пятна, на эту тайну, которая висела в воздухе, как запах машинного масла и ржавчины. Он чувствовал, что что-то упускает, что-то важное, что должно было связать все эти факты в единую картину, но пока не мог понять, что именно.

— Дженсон, — сказал он наконец, — ты можешь сделать мне копию всех анализов по этим спорам? В личное пользование? Без лабораторного номера.

Дженсон удивлённо поднял брови.

— Ты хочешь спрятать улики? Это против правил.

— Я хочу проверить их сам, — ответил Кай, глядя ему прямо в глаза. — Лаборатория может затянуть результаты на неделю. А у меня нет недели. Я должен понять, что это, до того, как появится четвёртый труп.

Дженсон помедлил, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю тебе копию. Но если кто-то спросит, я ничего не знаю.

— Ты ничего не знаешь, — согласился Кай и хлопнул его по плечу. — Ты просто техник.

Он отвернулся от тела и направился к выходу, но на пороге остановился и обернулся.

— И ещё, Дженсон. Ты сказал, что таких спор нет в городе. А где они могут быть? Теоретически?

Дженсон задумался, почёсывая затылок.

— Теоретически? — повторил он. — Ну... в местах, где есть настоящая земля. Где она не стерилизована, не обработана химикатами. Где есть растения, которые растут сами по себе, а не в искусственных парках.

— А у нас есть такие места? — спросил Кай, хотя уже знал ответ.

— Нет, — ответил Дженсон. — У нас нет таких мест. В Нью-Вавилоне вся земля искусственная. Вся трава выращена в лабораториях. Все деревья — генномодифицированные. Если эти споры действительно из нашего мира, то они должны были появиться откуда-то, где есть настоящая природа. А настоящей природы в городе нет. Только бетон и пластик.

Кай кивнул, почувствовав, как внутри него снова возникла та странная связь, о которой он пытался забыть. Лес. Тот самый лес из сна. Там была настоящая природа. Там пахло не стерильным воздухом, а живой землёй. Там были деревья, которые росли сами по себе.

«Нет, — сказал он себе. — Это совпадение. Просто совпадение».

Но он уже не был так уверен в этом.

Он вышел из склада на улицу, где его встретил серый, безликий свет Нью-Вавилона. Такой же холодный и искусственный, как всё вокруг. Он посмотрел вверх, на высотные здания, которые закрывали небо, и вдруг почувствовал, как его мир, такой привычный и надёжный, начинает смещаться.

«Что, если это не сон? — подумал он. — Что, если я дей-

ствительно видел этот лес? Что, если эти споры — оттуда?»

Он не знал ответа. Но он знал, что должен найти его. Даже если для этого придётся снова заснуть и снова увидеть тот чужой, пугающий мир, который уже начал прорастать в его сознание.

В квартире Кая царил привычный полумрак. Единственное окно, выходящее в глухую стену соседнего небоскрёба, уже давно перестало пропускать свет. За ним была только серая, безжизненная поверхность бетона, покрытая тонким слоем городской пыли. Кай не включал верхний свет, только тусклую лампу на столе, которая отбрасывала желтоватые блики на разбросанные бумаги, пустые чашки из-под кофе и планшет, всё ещё мигающий непрочитанными уведомлениями. Тени от лампы ползли по стенам, изгибались, дрожали, создавая иллюзию движения там, где его не было.

Кай скинул плащ на спинку стула, стянул ботинки и рухнул на диван, не заботясь о том, чтобы разобрать постель. Он был слишком уставшим для этого. Голова гудела, виски пульсировали, а в груди всё ещё ныло то странное, призрачное жжение, которое проснулось вместе с ним и не желало уходить. С каждым часом, прошедшим после того странного сна, боль в груди становилась слабее, превращаясь в тупое, раздражающее напоминание о чём-то, чего не должно было быть.

— Всё в порядке, — сказал он сам себе, закрывая глаза и

запрокидывая голову на подушку. — Всё в порядке. Ты просто устал. Имплант перегрелся. Ты слишком много работаешь. Нужно просто поспать.

Он знал, что врёт. Знание не помогало, оно только усиливало беспокойство, которое копилось внутри, как перегретый пар в закрытом котле. Кай провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть с себя усталость, и тяжело вздохнул.

— Я должен поспать, — повторил он, чувствуя, как его веки становятся всё тяжелее. — Просто поспать. И завтра я проснусь бодрым, и всё будет хорошо.

Он вытянул ноги, упёрся спиной в мягкую спинку дивана и позволил себе наконец расслабиться. Мышцы, напряжённые весь день, начинали медленно отпускать, и он ощущал, как усталость разливается по всему телу, окутывая его вязким, тягучим туманом. Сознание уже начало плыть, отключать лишние мысли, оставляя только ощущение тепла и темноты.

— Главное, — пробормотал Кай, почти проваливаясь в сон, — чтобы эти деревья не снились. Чтобы этот чёртов лес не пришёл опять. Я больше не хочу его видеть.

Какое-то время Кай витал в том состоянии, когда реальность и сновидение сплетаются в одно, создавая странный, липкий туман, в котором он не мог понять, где находится, на диване в своей квартире или уже в том лесу, который начал преследовать его. Он чувствовал, как его тело расслабляется, как замедляется дыхание, как исчезают последние звуки

города, которые доносились из-за стен. И потом, резко, он провалился.

Лес.

Тот же лес, что и прошлой ночью. Те же стволы, те же тени, тот же влажный, тягучий туман, который стелился между корней, скрывая горизонт и делая мир бесконечным, замкнутым и враждебным. Кай снова стоял на мягкой, влажной земле, снова чувствовал под ногами пружинистый мох, снова вдыхал воздух, пахнувший мокрой корой и гнилыми листьями.

Гниль. Она была здесь. Тот же запах, что и в прошлый раз, кисловатый и горький, как от старого, разлагающегося дерева. Но на этот раз к нему примешивался другой запах — свежий и влажный. Запах мокрой листвы после дождя. Запах, который должен был быть приятным, но в этом лесу он казался чуждым, почти опасным.

Кай сделал шаг вперёд, и тогда он услышал голос.

Он не сразу понял, что это был голос, потому что он доносился откуда-то издалека, смешиваясь с шумом ветра в кронах и далёким криком птицы. Но потом он стал отчётливее, громче, и Кай понял, что слышит женщину. Она говорила на языке, которого он не знал, но интонации были такими знакомыми, такими человеческими, что он понимал эмоции, даже не понимая слов.

Голос был раздражённым. В нём слышалась усталость, смешанная с раздражением. Так разговаривают с кем-то, кто

уже сто раз вывел из себя, но всё равно не научился понимать с первого раза. Женщина ругалась, Кай был уверен в этом. Ругалась на кого-то или на что-то, и в этом ругательстве было столько эмоций, столько жизни, столько того, чего не хватало его собственному миру, что он замер, вслушиваясь.

— Я же тебе говорила, — донеслось до него. — Не трогай это! Это не еда! Ты что, не понимаешь по-эльфийски? Ах да, ты же ворон... Ну, для ворона ты слишком самоуверенный. Иди сюда, я тебе дам...

Голос прервался, и Кай услышал громкое, требовательное карканье, которое явно принадлежало птице. И эта птица не собиралась уступать.

— Нет, ты не получишь второй кусок! — снова донеслось до него. — Ты уже съел половину моей лепёшки. Ещё слово, и я выгоню тебя на крышу ночевать. И не смотри на меня так. Я серьёзно.

Кай не мог видеть её. Лес был слишком густым, и голос доносился откуда-то из-за деревьев, словно она стояла за ближайшим поворотом, но он не мог найти её. Он сделал ещё шаг вперёд, пытаясь разглядеть хоть что-то, хоть силуэт, хоть тень, которая могла бы быть той женщиной, которая говорила с птицей, но перед ним были только стволы и туман.

Он попытался окликнуть её, но не смог. Язык не слушался, и из его горла вырвался только сдавленный, хриплый звук. Не слово, а просто шум, который тут же потонул в шелесте листьев. Он попытался снова, но снова не получилось.

Он был здесь, в этом лесу, но он был как призрак, который не мог коснуться никого и ничего.

Голос женщины затих. И Кай услышал, как кто-то тихо, почти ласково, каркнул, и потом она ответила уже спокойно:

— Ладно, прости. Я просто устала. Ты не виноват, что ты птица. Иди сюда, я дам тебе яблоко.

Кай почувствовал странный, неожиданный комок в горле. Этот голос, такой живой, такой настоящий и полный эмоций, он не мог быть галлюцинацией. Не мог быть просто сном. Это было что-то большее.

Он попытался сделать ещё шаг, но ноги стали тяжёлыми, словно приросли к земле. Туман сгушался, окутывая его, скрывая лес, скрывая звуки, скрывая всё, кроме запаха мокрой листвы и того голоса, который теперь звучал где-то далеко-далеко, почти как эхо.

— Я не хочу уходить, — прошептал Кай, но слова не вышли. Они остались внутри, застряли где-то между сознанием и сном. — Я хочу понять...

Он проснулся резко, как от удара.

Глаза распахнулись, и он уставился в потолок. Серый, бетонный, такой же безликий, как и всё в его квартире. Воздух со свистом вырывался из лёгких, и всё тело было покрыто липким, холодным потом. Он сел, провёл рукой по лицу и почувствовал, что его рубашка намочла насквозь.

— Чёрт, — выдохнул он, глядя на свои дрожащие руки.

Он огляделся. Всё было на месте. Обычная квартира. Обычная ночь. Обычная усталость.

Но в голове всё ещё звучал тот голос.

Кай закрыл глаза и попытался представить его снова, резкий, раздражённый, но почему-то такой живой. Он слышал, как она ругалась на ворона, как угрожала выгнать его на крышу, как потом смягчилась и пообещала ему яблоко. Она была реальной. Он знал это. Он чувствовал это всеми своими нервами, каждой клеткой своего тела, которое всё ещё дрожало от напряжения.

— Я либо схожу с ума, — сказал он вслух, глядя на своё отражение в тёмном стекле окна, — либо у меня в голове поселилась эльфийка.

Он помолчал, вслушиваясь в собственные слова, и горько усмехнулся.

— Оба варианта плохие.

Кай встал, прошёл к столу, взял кружку с остывшим кофе и сделал глоток. Напиток был горьким, противным, но он помог прочистить голову. Он поставил кружку обратно, провёл рукой по затылку и ощутил, как имплант пульсирует. Тепло, ритмично, как второе сердце.

— Ты меня слышишь? — спросил он, обращаясь к чипу, хотя знал, что тот не отвечает. — Ты знаешь, что происходит? Ты видишь это тоже?

Имплант только регистрировал данные, обрабатывал информацию и иногда перегревался, вызывая головные боли и

бессонницу. Но он не мог объяснить Каю, почему он видит лес, почему слышит чужой голос и почему его тело помнит запах мокрой листвы, которого не было в городе.

Кай подошёл к окну и посмотрел в серую стену, которая закрывала от него весь мир.

— Это не сбой, — сказал он наконец, и голос его прозвучал тихо, почти шёпотом. — Это не просто сбой. Это реально. Я чувствую это.

Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, оставляя маленькие, полукруглые следы. Боль была настоящей, живой, она соединяла его с реальностью, которая сейчас казалась более зыбкой, чем тот лес, в котором он только что был.

— Если это реально, — сказал он себе, — значит, я должен понять, что это. Кто она. Где этот лес. И почему он снится мне.

Он повернулся к дивану, где всё ещё лежал его планшет, и подошёл к нему, открывая файл, в котором он вёл заметки по делу. Споры. Вырванные чипы. Странные пятна на груди. И теперь — лес. Голос. Женщина, которая разговаривала с вороном.

Это была странная, новая мысль для Аэрин. Всегда, сколько она себя помнила, сон был её убежищем, её личным странством, куда не могли добраться старейшины со своими упрёками, Торн со своими насмешками и даже Гниль, которая медленно, но верно пожирала лес. Сон был местом, где она могла забыться, где её тело отдыхало, а сознание блуждало в безопасных, знакомых лабиринтах. Поляны, залитые лунным светом, ручьи, в которых плескалась серебряная рыба, старые дубы, под которыми она сидела в детстве и читала свитки о травах. Сны были её домом внутри дома.

Но сегодня она боялась их.

Потому что прошлая ночь уже подарила ей тот странный, пугающий мир, где не было леса, где пахло не землёй и мхом, а железом и чем-то чужим, горьким, и где она вдруг оказалась в теле, которое не принадлежало ей. Ей не нужен был второй такой сон. Она хотела просто провалиться в тёмную, пустую бездну, которая не помнит снов, не хранит воспоминаний и не показывает ей того, чего она не должна видеть.

Но она понимала, что это не работает так. Сны приходят сами. Они не спрашивают разрешения.

— Брынза, — сказала она, сидя на краю кровати и глядя на ворона, который уже устроился на своём любимом месте на подоконнике, — ты будешь меня сторожить? Если я начну кричать во сне, клюнь меня в нос.

Брынза приоткрыл один глаз, посмотрел на неё с выражением, которое можно было перевести только как «ты серьёз-

но?»), и снова закрыл его, демонстративно повернувшись к ней спиной.

— Ты невыносим, — сказала Аэрин. — Ты единственный, кто меня слушает, и ты даже не умеешь защитить меня от кошмаров.

«Кар», — недовольно каркнул ворон, как бы говоря: «Я защищаю тебя от куда более страшных вещей, например, от плохого чая».

— Ладно, — вздохнула Аэрин, ложась на кровать и натягивая одеяло до подбородка. — Ладно. Это просто сон. Просто сон. Я проснусь, и всё будет хорошо. И никаких чужих миров. И никаких... — она запнулась, пытаясь подобрать слово, — ...железных городов.

Она закрыла глаза и постаралась дышать ровно.

Сон пришёл не сразу, но он пришёл. Сначала была просто темнота. Густая, тёплая и уютная, как материнское объятие. Потом по краям этой темноты начали мерцать огоньки. Они пульсировали, как больной нерв, и с каждым миганием становились всё ярче, всё настойчивее, пока не вытеснили темноту полностью.

Аэрин открыла глаза и поняла, что стоит.

Она стояла на чём-то твёрдом, гладком, и это что-то было не землёй, а чем-то искусственным, ровным, словно отполированным. Она опустила взгляд и увидела под ногами гладкую, зеркальную поверхность. Бледно-серую, с едва заметными линиями, которые складывались в геометрический

узор. Это был пол. Из какого-то чужого, незнакомого материала.

Она подняла голову. Вокруг неё был мир, которого она никогда не видела и не могла себе представить.

Стены, такие же гладкие, как пол, но они не были тёплыми, не были живыми. Они пропускали свет. Холодный и резкий свет, который слепил глаза и не давал расслабиться. Вместо деревьев какие-то тонкие металлические столбы, уходящие вверх, к потолку, который был слишком высоким, слишком ровным и совершенно не похожим на небо. Вместо листьев и веток — переплетение трубок, проводов, панелей, которые мерцали зелёными и синими огоньками, как глаза ночных зверей.

Аэрин сделала шаг назад и наткнулась на что-то твёрдое и шероховатое. Она обернулась и увидела стену. Стекланную, прозрачную, за которой виднелись силуэты. Другие создания. Существа, похожие на эльфов, но в то же время непохожие. У них не было острых ушей. У них не было длинных волос. Они носили странную одежду. Строгую, одинаковую, без цвета и узора, как будто кто-то решил одеть их всех в одно и то же, чтобы они не выделялись. Они сидели за маленькими столами, на которых стояли странные прямоугольные панели, и смотрели на них с застывшими, пустыми лицами.

Люди. Она вспомнила это слово откуда-то из детских сказок. Существа, которые живут в другом мире, в мире без магии, в мире железа и камня. Но она никогда не думала, что

они существуют на самом деле. И что они выглядят так... пугающе.

— Где лес? — прошептала она, чувствуя, как паника сдавливает горло. — Где деревья? Где мой дом?

Она оглянулась, пытаясь найти хоть что-то знакомое, хоть какой-то ориентир, но вокруг неё был только этот чужой, холодный мир, который не желал давать ответы.

А потом она поняла, что не чувствует воздуха. Здесь воздух был другим. Сухим, чистым и стерильным, но в нём не было жизни. Он не шевелил листья, не нёс запахи, не давал ощущения, что ты часть чего-то большего. Он просто был. И это делало его чужим, почти враждебным.

— Где мои уши? — спросила она, и голос её сорвался.

Она подняла руки и коснулась головы. Там, где должны были быть её острые, тонкие уши, привычные и родные, там была пустота. Гладкая, мягкая кожа, как у всех вокруг, и никаких лопастей, которые так раздражали её в реальности, но которые были частью её, частью того, кто она есть.

— Где мои уши?! — закричала она, и крик вырвался из неё такой силы, что несколько существ обернулись и посмотрели на неё с удивлением и лёгким испугом.

Она не обратила на них внимания. Она снова ощупала виски, там было пусто. Она провела пальцами по тому месту, где должны были быть длинные, заострённые кончики, но там была только ровная, человеческая форма.

— ГДЕ МОИ ЛОПАСТИ?! — завопила она во весь голос,

не в силах сдерживаться.

Существа вокруг неё замерли. Кто-то открыл рот, кто-то отшатнулся, а кто-то просто смотрел на неё с выражением, которое можно было описать только как «этот псих снова сломался». Аэрин не понимала их. Она не понимала, где она, кто она в этом теле, и почему она вдруг стала той, у кого нет ушей.

— Это сон, — сказала она себе, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза. — Это просто сон. Я сплю. Я сейчас проснусь. Я сейчас вернусь в свой дом, к Брынзе, к моему лесу...

Она закрыла глаза, чтобы не видеть этот чужой мир, чтобы не ощущать этот чужой воздух, чтобы не слышать этот чужой голос, который она слышала внутри, мужской, усталый, с лёгкой хрипотцой. Она не знала, как зовут его, но она чувствовала, что это он. Тот, кто был здесь, в этом теле, когда она спала. И сейчас она была в нём. В его теле. В его мире.

— Я сейчас проснусь, — прошептала она, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. — Я сейчас проснусь...

Сон растворился, как дым на ветру.

Аэрин открыла глаза и уставилась в знакомый деревянный потолок. Над ней были балки, покрытые тонким слоем паутины, и в углу висела связка сушёных трав, которую она собиралась убрать неделю назад. Всё было на месте. Всё было родным. Лес за окном шумел, приветствуя её своим привыч-

ным, успокаивающим звуком, и где-то вдалеке пела птица. Настоящая, живая, эльфийская птица, которая не знала, что такое железо и стекло.

Аэрин поднесла руки к голове и коснулась висков.

Уши были на месте. Острые, тонкие, слегка изогнутые, такие же, какими они были всегда. Она провела пальцами по их кончикам, чувствуя знакомую, почти родную текстуру, и выдохнула с облегчением, которое было так велико, что у неё перехватило дыхание.

— Слава предкам, — прошептала она, не открывая глаз.
— Вы на месте.

Она села на кровати, оглядывая комнату. Всё было по-прежнему: стол с недопитым чаем, полка с травами, Брынза, который сидел на подоконнике и смотрел на неё с выражением искреннего любопытства, как бы спрашивая: «Ну что, ты выжила?»

— Я выжила, — ответила она ему, хотя он не задавал вопроса. — Я выжила, я проснулась, и я больше никогда не буду спать. Никогда.

«Кар», — сказал Брынза с сомнением.

— Я серьёзно, — сказала Аэрин, вставая и подходя к зеркалу, которое висело на стене. — Я больше не хочу видеть этот мир. Я хочу забыть его. Я хочу думать о чём-то другом. О травах. О лесе. О старейшинах, которые бесят меня своими приказами. О чём угодно, только не об этом.

Она остановилась перед зеркалом и посмотрела на себя.

Рыжие, спутанные волосы, зелёные глаза, бледное лицо и уши. Её уши. Длинные, острые, с лёгким изгибом, который делал её непохожей на всех остальных. Она провела пальцами по их кончикам и тихо, почти ласково, прошептала:

— Вы на месте. Слава предкам.

Она сделала шаг назад, вздохнула и провела рукой по лицу, словно пытаясь стереть с него остатки того сна.

— Ну всё, — сказала она громко, обращаясь к комнате, к ворону, к лесу за окном. — Я сошла с ума. Лес меня добил. Этот металлический город, эта железная коробка, эти люди без ушей, всё это было в моей голове. Значит, я окончательно свихнулась.

Брынза каркнул, перелетая с подоконника на стол, и устоял на ней с выражением, которое можно было прочесть как «ты всегда была свихнутой, это не новость».

— Спасибо, — сказала Аэрин, глядя на него. — Ты очень поддерживаешь меня. Как всегда.

Ворон одобрительно мотнул головой и постучал клювом по столу, напоминая о том, что завтрак ещё не подан.

Аэрин покачала головой, усмехнувшись. Она всё ещё чувствовала холод того мира, всё ещё слышала этот чужой голос, который звучал в её голове, и он не был её собственным.

«Это был сон, — сказала она себе, стараясь не думать о нём. — Просто сон. Мне просто нужно перестать думать об этом. И тогда он не вернётся».

Он не хотел засыпать. Это была новая, странная мысль для человека, который последние три года спал урывками, между отчётами и допросами, между чашками кофе и бессонными ночами. Сон всегда был для него не роскошью, а необходимостью, той самой скучной, обязательной частью жизни, которую он терпел, как неизбежное зло. Он ложился, закрывал глаза, проваливался в темноту и просыпался через несколько часов. Без сновидений и воспоминаний, без всякого следа того, что происходило в его сознании, пока тело отдыхало.

Но теперь сон стал другим. Теперь он был не пустотой, а дверью. Дверью, которая открывалась в чужой мир, и он не знал, как её закрыть.

Кай лежал на диване, глядя в потолок, и чувствовал, как его веки становятся тяжёлыми, как сознание начинает плыть, как реальность вокруг него начинает таять, уступая место чему-то другому, более живому и пугающему.

— Только не лес, — прошептал он, пытаясь удержать себя в сознании. — Только не этот лес. Я хочу просто спать. Без всего этого...

Но сон не спрашивал разрешения. Он просто накрыл его, как волна, и Кай провалился в темноту, которая мгновенно сменилась светом. Станным, зелёным, рассеянным светом, словно он смотрел на мир сквозь листву.

Он стоял в лесу.

Но это был не тот лес, который он видел прошлой ночью.

Не тот, где пахло Гнилью и было темно, тревожно и враждебно. Этот лес был другим, более живым, более тёплым, наполненным светом, который пробивался сквозь кроны деревьев, оставляя на земле золотистые пятна, похожие на монетки. Воздух здесь был влажным, но не тяжёлым, а чистым и свежим, как после дождя. Пахло мятой и мокрой корой.

Кай сделал шаг вперёд и понял, что его тело чувствует себя странно. Не так, как обычно.

Во-первых, он был лёгким. Не тем странным, сновидческим ощущением невесомости, когда кажется, что ты паришь над землёй, нет, он был лёгким в буквальном смысле. Его руки и ноги двигались с неожиданной грацией и плавностью, которой у него никогда не было. Он всегда был неуклюжим, вечно спотыкался, задевал углы, ронял вещи, но здесь его тело двигалось так, будто оно знало каждую травинку, каждую кочку, каждую ветку, которая могла бы преградить путь.

Во-вторых, он был... другим.

Кай поднял руки и уставился на них с ужасом, граничащим с шоком. Руки были тонкими, изящными, с длинными пальцами и бледной кожей, на которой не было ни единой царапины или шрама. Он провёл пальцами по своему лицу и почувствовал гладкую, нежную кожу, тонкие скулы и... длинные, острые уши. Он дотронулся до них и они отозвались лёгким покалыванием, таким чувствительным, что он отдёрнул руку, словно обжёгся.

— Что за... — начал он, но голос, который вырвался из его горла, был не его. Он был женским. Низким, но определённо женским. И этот голос звучал так, будто он принадлежал кому-то другому. Кому-то, кто жил здесь, в этом лесу, и кто был частью этого мира.

Кай замер, пытаясь осознать происходящее. Он стоял в лесу. Он был женщиной. С рыжими волосами, которые падали на плечи, длинными, как языки пламени. С острыми ушами, которые чувствовали каждый звук вокруг. Шелест листьев, далёкое пение птиц, даже тихое, почти незаметное дыхание мха под ногами.

«Я не я, — подумал он. — Я кто-то другой. И этот кто-то — женщина. В лесу.»

Он попытался говорить, но язык не слушался. Вместо привычных слов из его горла вырвалась бессвязная смесь звуков, гортанных, мелодичных, но совершенно непонятных. Эльфийский. Кай не знал этого языка, но его тело и его сознание, они знали. Они говорили на нём свободно, будто это был их родной язык. Он слышал, как из его уст вылетают слова, которых он никогда не учил, и это было пугающе и захватывающе одновременно.

— Каррр! — раздалось прямо над ухом.

Кай подскочил от неожиданности, поворачиваясь. На ветке, почти у его лица, сидел большой, чёрный ворон с блестящими умными глазами. Он наклонил голову, посмотрел на Кая и каркнул снова, на этот раз требовательно, как будто

ждал чего-то.

— Я... что? — сказал Кай, пытаясь ответить на человеческом, но снова услышал мелодичный, певучий звук, который не имел никакого отношения к языку, на котором он говорил всю жизнь. — Я не понимаю, что ты говоришь.

Ворон снова каркнул, уже с явным недовольством. Он переступил с лапы на лапу и тряхнул головой, словно говоря: «Ты что, оглохла? Я требую еду».

— Ты... ты ворон, — сказал Кай, чувствуя, как его мозг отказывается принимать реальность. — Ты не умеешь говорить. Ты просто птица. Я не должен тебя понимать.

Но он понимал. Не слова, слова были просто карканьем, но интонации, жесты, движения, всё это было настолько ясным, настолько очевидным, что он не мог не понять. Ворон требовал завтрак. Он был недоволен тем, что его игнорируют. И он явно считал, что Кай (или та, чьим телом он сейчас владел) обязана накормить его, потому что она всегда это делала.

«Она всегда это делала, — повторил Кай про себя, и эта мысль пронзила его как удар молнии. — Она. Та, чьё тело я занял. Она всегда кормила его. Она разговаривала с ним. Она называла его...»

— Брынза, — прошептал он, и это слово вырвалось само собой, без всякого усилия. — Его зовут Брынза.

Ворон одобрительно каркнул и наклонил голову, ожидая дальнейших действий. Кай почувствовал, как его рука, её ру-

ка, сама собой поднимается к карману, как пальцы нащупывают там что-то твёрдое, похожее на кусок хлеба или лепёшки. Он вытащил находку, это действительно была лепёшка, сухая, слегка крошащаяся, но вполне съедобная, и протянул её ворону.

Брынза схватил угощение с почтительной скоростью и умчался на ветку, где принялся клевать его с видом оскорблённого величия.

Кай смотрел на птицу и чувствовал, как его сознание распадается на части, которые он не мог собрать воедино. Он был здесь. Он был женщиной. У него были острые уши. Он говорил на языке, которого никогда не знал. И он только что накормил ворона, который требовал завтрака, потому что это была часть рутины той, чьё тело он занял.

«Это сон, — подумал он. — Это просто сон. Я сплю. Я должен проснуться. Сейчас. Прямо сейчас».

Но он не просыпался.

Вместо этого он слышал звуки, далёкие, почти неразличимые, но такие живые, такие настоящие, что у него перехватило дыхание. Шёпот деревьев. Он слышал его кожей, костями, каждой клеткой этого чужого тела. Деревья говорили с ним не словами, а чувствами, образами и ощущениями. Они были старыми, мудрыми, грустными. Они чувствовали Гниль. Они чувствовали, как что-то чужое проникает в их корни, отравляет их соки, и они не могли с этим справиться. Они просили о помощи.

— Я не понимаю, — прошептал Кай, и голос его дрогнул.
— Я не понимаю, что вы говорите. Я не... я не отсюда.

Деревья не ответили. Они просто продолжали шептать. Тихо, настойчиво и тревожно, и этот шёпот заполнял его сознание, заставляя его чувствовать боль леса, его отчаяние и надежду. Надежду на то, что кто-то поможет. Кто-то, кто может слышать их.

«Она может слышать их, — вдруг понял Кай. — Она слышит их. Она часть этого леса. Она понимает его».

Он сделал шаг вперёд, и его ноги понесли его по тропе, которую он не видел, но которая была чётко прописана в его сознании. Каждое движение было естественным, плавным, как будто он делал это тысячи раз. Он обходил корни, перепрыгивал через ручьи, пригибался под низкими ветками, и все эти движения не требовали ни малейшего усилия. Его тело знало, что делать.

— Это безумие, — сказал он себе, останавливаясь на небольшой поляне, где свет падал особенно ярко. — Я не должен знать этот лес. Я не должен понимать деревья.

Он посмотрел на свои тонкие, бледные руки с длинными пальцами, на которых не было ни колец, ни украшений, только небольшая мозоль на указательном пальце. От лука, вдруг понял он. Она стреляла из лука. Она была следопытом.

— Я в теле следопыта, — сказал Кай, и в его голосе послышалось удивление, смешанное с ужасом. — Я в теле эльфийки-следопыта. И я нахожусь в её лесу. И я кормлю её во-

рона. И я слышу, как деревья говорят со мной.

Он закрыл глаза, пытаясь осознать это, и в этот момент сон начал растворяться. Лес стал бледнеть, краски тускнеть, звуки затихать, и он почувствовал, как его сознание вытаскивают обратно, в его собственное тело, в его собственную реальность.

Кай открыл глаза.

Серый, бетонный потолок, который он видел уже сотни раз. Стены. Диван. Стол. Планшет. Недопитый кофе, который уже остыл окончательно.

Он был в своей квартире. В Нью-Вавилоне. В своём собственном теле.

Но голова раскалывалась от боли. Она была такой сильной, что он не мог пошевелиться, не мог даже вздохнуть, не чувствуя, как пульсирует в висках, отдаётся в затылке, пронизывает череп от макушки до основания. Он лежал на диване, не в силах поднять руку, чтобы потереть лоб, и только смотрел в потолок, пытаясь сфокусироваться на чём-то, что могло бы отвлечь его от этой мучительной пульсации.

— Это был не мой голос, — прошептал он хрипло. — Это был не мой голос. Это был её голос. Я говорил на её языке. Я кормил её ворона. Я слышал, как деревья зовут меня.

Он лежал так несколько минут, позволяя боли утихнуть до терпимого уровня. Потом медленно, с трудом сел на диване и провёл рукой по лицу. Ладонь была влажной от пота, и он понял, что его рубашка намокла насквозь, как будто он

бежал марафон, а не лежал на диване, пытаюсь уснуть.

Кай повернулся к столу и взял планшет. Он открыл приложение для диагностики импланта и нажал кнопку сканирования. Через несколько секунд на экране появился отчёт: «Нейронная активность: аномалия. Зафиксирован пик активности в области лимбической системы. Причина: неизвестна. Рекомендация: обратиться к специалисту».

— Аномалия, — прочитал Кай вслух с горькой усмешкой. — Зафиксирован пик. Причина неизвестна. Обратиться к специалисту. Спасибо, планшет. Ты очень помог.

Он отложил планшет и снова откинулся на подушку, глядя в потолок. Боль постепенно утихала, но голова всё ещё гудела, как после долгой, бессонной ночи, пережитой в пыльном, шумном баре.

— Я только что был женщиной, — сказал он тихо, почти шёпотом, обращаясь к пустоте. — В лесу. Я кормил птицу, потому что это было частью её рутины.

Он закрыл глаза и усмехнулся.

— Это новый уровень стресса, — сказал он себе. — Я достиг такого уровня, что моя нервная система решила: «А давай-ка Кай, ты будешь не собой. Ты будешь эльфийкой в лесу. Это будет весело. И полезно для твоего психического здоровья».

Он снова открыл глаза и посмотрел на планшет, на котором всё ещё горел отчёт об аномалии. Имплант зафиксировал что-то. Что-то реальное. Что-то, что не было просто гал-

люцинацией или переутомлением. Что-то, что имело физическое проявление.

«Это не сбой, — понял Кай. — Это не просто галлюцинация. Это что-то настоящее. Этот лес реальный. Эта женщина реальная. И я каким-то образом связан с ней. Я вижу её мир. Я чувствую её мир. И это не просто сон».

Он сел, снова взял планшет и начал быстро набирать заметки: «Сон №2. Лес. Другой, более светлый. Женщина с рыжими волосами. Уши — острые. Ворон — Брынза. Язык — эльфийский (неизвестный). Ощущение — я был в её теле. Деревья говорили. Гниль — чувствовалась. Аномалия нейронной активности зафиксирована».

Кай остановился, глядя на написанное. Слова выглядели так же безумно, как и ситуация, в которой он оказался. Если бы кто-то прочитал это, он бы подумал, что Кай окончательно сошёл с ума. Переутомлённый детектив, который начал видеть галлюцинации и записывать их как доказательства.

— Но я не сошёл с ума, — сказал он себе, сжимая планшет. — Я не сошёл с ума. Это реально. Я чувствую это. Имплант зафиксировал аномалию. Это не просто игра моего воображения.

Солнце вставало над лесом, как нерешительный художник, который никак не мог выбрать цвета для своей картины. Сначала небо было бледно-серым, почти белым, и только на горизонте, за верхушками сосен, пробивалась тонкая

золотистая полоска, которая обещала хорошую погоду. Потом эта полоска начала шириться, захватывая всё больше пространства, пробиваясь сквозь утреннюю дымку, которая стелилась над землёй. Запахло сырой землёй, мхом и диким жасмином, который рос у самого крыльца и уже начинал цвести, несмотря на раннюю пору.

Аэрин сидела на пороге своего дома, обхватив колени руками, и смотрела на этот восход с отсутствующим взглядом человека, который физически находится здесь, но сознанием где-то далеко, в том чужом, пугающем мире, где не было леса и где она была кем-то другим.

Она не спала больше. После того сна она лежала в темноте, прислушиваясь к биению собственного сердца, пытаясь убедить себя, что это был просто кошмар, просто игра воображения, просто результат переутомления и тех странных трав, которые она пила перед сном. Она повторяла это снова и снова, как заклинание, но заклинание не работало. Потому что она помнила всё слишком ясно. Слишком реально.

Она помнила этот холодный, зеркальный пол под ногами. Помнила стеклянные стены, за которыми двигались люди без ушей. Помнила этот сухой, стерильный воздух, который не пах ничем.

«Это был сон, — сказала она себе в сотый раз. — Просто сон. Я устала. Я слишком много работала. Я пережила смерть Фаэлина, и мой мозг решил отдохнуть таким странным способом. Это всё объяснимо. Это нормально. Так бывает».

Но она не верила в это. И это было хуже всего, не верить собственным оправданиям.

Брынза сидел на её плече, нахохлившись, и тоже смотрел на восход. Обычно он в это время требовал еды, пил воду и вообще вёл себя как маленький тиран, который требует, чтобы его кормили по расписанию. Но сегодня он был тихим, задумчивым, и только иногда поворачивал голову и смотрел на Аэрин с выражением, которое можно было прочесть как «ну что, ты уже пришла в себя?»

— Я в порядке, — сказала она ворону, хотя это было неправдой. — Я просто не выспалась. Мне снился странный сон. Так бывает. Со всеми бывает.

«Кар», — ответил Брынза, и в его голосе послышалось сомнение.

— Я серьёзно, — сказала Аэрин, вставая и отряхивая подол рубашки. — Это был просто кошмар. Ничего страшного. Я сейчас позавтракаю, выпью чай, и всё пройдёт.

Она вошла в дом, подошла к очагу и раздула огонь. Пламя лизнуло сухие щепки, вспыхнуло ярко, и тепло начало заполнять комнату, прогоняя утреннюю прохладу. Аэрин поставила на огонь чайник, достала с полки травы, мяту, зверобой, немного ромашки, и заварила себе чай. Руки её дрожали, когда она наливала кипятка в кружку, и она заметила это, но постаралась не обращать внимания.

«Это просто нервы, — подумала она. — Просто усталость. Я поем, и всё пройдёт».

Она села за стол, положила перед собой кусок сухой лепёшки и медленно начала есть, стараясь не думать о том сне. Но мысли возвращались снова и снова, как назойливые мухи, от которых нельзя отмахнуться.

Она видела этот мир. Она была в нём. Она стояла на том странном полу, смотрела на тех людей, и чувствовала себя чужой, потерянной, как ребёнок, который случайно забрёл на чужую поляну и не знает, как вернуться домой.

«Я не хочу этого помнить, — сказала она себе, откусывая лепёшку. — Я хочу забыть это. Я хочу, чтобы это исчезло из моей головы. Навсегда».

Она допила чай, поставила кружку на стол и почувствовала, что её всё ещё трясёт, как в лихорадке. Она прижала ладони к коленям, пытаясь унять дрожь, но это не помогало. Тело помнило тот страх, ту панику, то отчаяние, которое она испытала, когда поняла, что находится в чужом теле, в чужом мире.

— Брынза, — сказала она, глядя на ворона, который сидел на подоконнике и внимательно наблюдал за ней, — я не могу так жить. Я не могу каждую ночь видеть этот кошмар. Я не могу просыпаться и чувствовать, что я не в своём теле. Я не могу...

Голос её сорвался, и она замолчала, чувствуя, как к горлу подступает комок.

«Кар», — тихо сказал Брынза, и в его голосе не было обычного требования или насмешки. Только сочувствие. И

понимание.

— Я знаю, что надо что-то делать, — ответила она ему, вытирая глаза рукавом. — Я знаю. Я не могу просто сидеть здесь и ждать, когда это пройдёт. Я должна что-то предпринять. Я должна найти способ избавиться от этого.

Она замолчала на мгновение, и в её голове вдруг всплыла одна мысль, старая, забытая, но сейчас она казалась единственно правильной.

— Шаман, — прошептала она, и в голосе её послышалась надежда. — Старый шаман на болоте. Он знает все проклятия. Он умеет снимать порчу. Он может помочь мне избавиться от этого.

Брынза каркнул, на этот раз недовольно, как бы говоря: «Ты серьёзно? Ты хочешь идти к этому старому шарлатану, который лечит отварами из корней и говорит, что все болезни от нервов?»

— А у тебя есть другие идеи? — спросила Аэрин, глядя на ворона. — Ты знаешь, как избавиться от того, что залезло в мою голову? Ты знаешь, как перестать видеть чужие сны? Если ты знаешь, скажи. Я слушаю.

Ворон молчал. Он только склонил голову набок и смотрел на неё с выражением, которое можно было прочесть как «ну, нет, я не знаю, но идти к шаману, это глупо».

— Вот именно, — сказала Аэрин, вставая из-за стола. — Ты не знаешь. А он может знать. Поэтому я пойду к нему. Пусть снимет проклятие. Или хотя бы объяснит, что это та-

кое.

Она начала собираться, накидывая на плечи старый потёртый плащ, который висел на крючке у двери. Плащ был тёплым, плотным, с капюшоном, который закрывал голову от дождя и ветра, и от посторонних взглядов. Она затянула ремень на поясе, проверила, что кинжал на месте, и повернулась к ворону.

— Ты идёшь со мной? — спросила она.

«Кар», — каркнул Брынза и, расправив крылья, перелетел на её плечо, устраиваясь на привычном месте. У левого уха. Там, где он всегда сидел, когда они отправлялись в путь.

Аэрин вышла из дома, закрыла за собой дверь, которая скрипнула, как старческая коленка, и остановилась на пороге, оглядывая лес. Утро уже разгорелось, и солнечные лучи пробивались сквозь кроны, оставляя на земле золотистые пятна. Воздух был свежим и чистым, наполненным голосами птиц и шелестом листьев. Всё было так же, как всегда.

Но Аэрин чувствовала, что что-то изменилось. Что мир вокруг неё стал чуть менее безопасным, чуть менее привычным. И что она больше не может просто игнорировать то, что случилось.

— Пойдём, — сказала она ворону, шагая по тропе. — Посмотрим, что скажет старый шарлатан. Надеюсь, у него есть хороший чай. Или хотя бы нормальное объяснение.

Брынза каркнул, и в этом карканье послышалось что-то похожее на «я тебя предупреждал, но ты всё равно идёшь».

Аэрин не ответила. Она просто шла вперёд, чувствуя, как утреннее солнце греет ей спину, как лес вокруг неё живёт своей жизнью, и как внутри неё — глубоко-глубоко — всё ещё звучит тот чужой, усталый голос, который она не могла прогнать.

«Я избавлюсь от тебя, — подумала она, обращаясь к нему. — Я найду способ избавиться от тебя. Ты не нужен мне. Ты не нужен моей жизни. Я хочу быть одна. Только я и лес. Никаких чужих миров, никаких чужих голосов. И никаких людей без ушей».

Она шла по тропе, и утро становилось всё ярче, обещая хороший день. Но внутри неё было пасмурно, как перед грозой, и она знала, что этот день не будет простым.

Медицинский центр Нью-Вавилона располагался на сорок седьмом этаже стеклянного небоскрёба, который местные называли «Иглой», за его тонкую, устремлённую вверх форму и за то, что он пронзал облака, как гигантская металлическая заноза. Кай ненавидел это место. Он ненавидел его стерильный запах, смесь антисептика и искусственной свежести, которую впрыскивали в систему вентиляции каждые полчаса. Он ненавидел его белые стены, идеально ровные полы и голографические панели, которые вместо картин показывали рекламу новейших имплантов и чудодейственных методов омоложения. Он ненавидел его так, как может ненавидеть только человек, который слишком часто слышал

фразу «всё в порядке, это просто стресс».

Кай сидел в кресле для пациентов, и смотрел, как доктор-нейролог изучает данные его импланта на большом голографическом экране. Доктор был молодым, лет тридцати пяти, с аккуратной причёской и безупречным белым халатом, который сидел на нём так, будто он сшит специально для этой работы. Он двигался плавно и уверенно, пальцы летали над сенсорной панелью, вызывая на экран графики, диаграммы, волновые линии, которые для Кая выглядели как шифровка, но для доктора, судя по всему, были понятны и просты, как утренняя газета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.